

УЛЬЯНА МУРАТОВА

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БОЛЛАРОВ:

ПРОКЛЯТЪЕ МЕЖДУ НАМИ

Проклятие рода Болларов

Ульяна Муратова

Проклятье между нами

«Автор»

2026

Муратова У.

Проклятье между нами / У. Муратова — «Автор»,
2026 — (Проклятие рода Болларов)

Я — гарнизонная целительница из разорившегося рода. Он — пилот с блестящими карьерными перспективами. Нас разделяет многолетняя вражда семей. Мой отец опозорил его мать и едва не стал причиной её гибели, в отместку она прокляла весь наш род. Нам запрещено даже думать друг о друге, а проклятье не позволит быть вместе. Правда, есть одно «но»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Проклятье между нами

Глава 1

Тридцатое октября. Вечер
Лиора Боллар

Начнём с того, что это просто несправедливо!

Вообще-то мы в один день родились.

Так почему сестра всегда ведёт себя так, будто она старшая и умудрённая опытом дама, а я — трёхлетка несмышлёная?

Я такой же взрослый и ответственный человек, как она!

Ладно, не такой же. Но только потому, что быть настолько взрослым и ответственным человеком в восемнадцать лет — это преступление против природы. А я — достаточно взрослый и ответственный человек. И целительских способностей, между прочим, у меня не меньше, чем у Уны, поэтому с работой я вполне в состоянии управиться.

Но... разумеется, сестра отказывалась в это верить и уже в который раз спросила:

— Ты точно справишься одна?

— Да точно! — в который раз заверила я, с нетерпением ожидая её отъезда.

— Я могу отменить поездку на симпозиум и остаться дежурить вместе с тобой, — предложила Уна, пытливо глядя на меня. — А конспекты потом у Брена возьмём.

«Не надо со мной оставаться!» — мысленно взмолилась я, но вслух сказала лишь:

— Уна, дорогая, тебе не о чем беспокоиться. С наступлением холодов твари затихли, никаких прорывов не ожидается, тем более в полнолунную неделю. Все служащие наконец разъехались по долгожданным увольнительным, так что даже если после твоего отъезда в части внезапно вспыхнет внезапная эпидемия внезапной холеры, то мне и лечить-то особо некого, — насмешливо ответила я, а потом пообещала уже серьёзнее: — Но если вдруг что-то случится, то я приложу все усилия, чтобы наилучшим образом справиться с работой. Слово Боллар.

Я заморгала, показывая преданность целительскому делу и максимально возможную ответственность. Сестра смотрела скептически. Кажется, ответственность не морганием показывают.

Ну да ладно.

Главное — глаза не закатывать. Её это особенно сильно бесит.

Пока сестра на меня смотрела, я изо всех сил сдерживалась, чтобы не подпрыгнуть на месте. Внутри словно салюты взрывались в честь её отъезда, но внешне я старалась оставаться максимально спокойной.

Поковыряв во мне дырку взглядом ещё добрую минуту, Уна наконец вздохнула и объявила:

— Ладно, я поеду. В конце концов, от каждой медчасти там должно быть по представителю, а наша безответственная гарцель сама знаешь где. Доверить такое важное дело больше никому нельзя, — ещё раз вздохнула сестра, явно подразумевая, что сёстры ей достались безалаберные. — Ты можешь случайно потерять конспекты или вообще не найти, где проводится этот симпозиум...

— Да такое только пару раз было! — до глубины души возмутилась я. — Подумаешь, не нашла ателье. У них просто вывеска дурацкая, совершенно не привлекающая взгляд.

— Огромная вывеска на половину здания, — невозмутимо возразила сестра. — Ещё скажи, что ты никогда ничего не теряла.

Удар пришёлся в больное место.

— Я же не специально... Оно само берёт и... теряется! Но чаще всего находится потом, — буркнула я, оправдываясь.

— Я и не говорю, что ты специально, — ласково отозвалась сестра, положив руку мне на плечо. — Но мы должны учитывать реалии при принятии решений. В одном ты права: когда дело касается пациентов, на тебя можно положиться.

Я изумлённо уставилась на Лунару. Похвала от неё мне перепадала редко, больше везло на всякие нотации. Но мир всё же не сошёл с ума, поэтому нотации тоже подъехали:

— А вот зелья не вари, пожалуйста, иначе можешь случайно оставить горелку включённой, а больше в кабинете некому выключить и вообще проследить за тобой. Всё перепроверяй по несколько раз, ты сама знаешь, как сильно нам нужна эта работа. На ближайшие трое суток никто тебя не прикроет, очень прошу, не забывай об этом. Крестик себе на руке нарисуй, что ли... Так, и обязательно свари завтра утром кашу для деда Валентайна, накорми его и подпитай силой. Он пока ещё держится бодрячком, но ежедневная подпитка магией жизни всё же необходима! Не забудь! — строго проговорила сестра.

— Зачем варить ему кашу отдельно, если нас всех точно такой же кашей кормят в столовой? — риторически спросила я, потому что логика всё равно пасовала перед чрезмерной опекой, которой Уна окружила старого жреца.

— Столовая ему не нравится, она комковатая и сварена без души. Он предпочитает кашу по рецепту нашей бабушки, с пюреированными ягодами.

— И как он без неё жил до твоего появления в части? — саркастично спросила я, уже понимая, что кашу всё равно приготовлю, куда не денусь.

— Плохо жил, — отрезала Уна. — Никто о нём не заботился, а он не просто старик, а человек, всю свою жизнь посвятивший служению богине и людям. Он отринул всё мирское, отказался от возможности завести семью, и теперь, когда он стар, о нём некому позаботиться, кроме нас.

— Уна, не драматизируй. Ты его едва ли не с ложки кормишь и под ручку поддерживаешь, но как только он оказывается вне пределов твоего зрения, посохом начинает махать, как молодой! Курсантов гоняет так, что даже командор Блайнер иной раз им сочувствует. На днях Леввек у своей немощной старческой дланью так по уху заехал, что у того чуть барабанная перепонка не лопнула.

— Потому что Леввек поминал свою северную богиню удачи, а Валентайн — жрец Гесты, и такому не попустительствует.

— Ну так Леввек норт! Как ему не поминать богиню удачи, если норты в неё верят? — воскликнула я.

Уна посмотрела на меня скептически и сказала:

— От души не советую это говорить при Валентайне, потому что голова у норта крепкая и его барабанным перепонкам ничего не сделалось, а вот насчёт твоих у меня такой уверенности нет. Кашу свари, о Валентайне позаботься, прояви уважение к старости. Ты же нобларина!

— Я проявляю уважение к старости, просто Валентайн тобой манипулирует, — проворчала я.

— Мы все друг другом манипулируем в той или иной степени, Лира, — философски заметила Уна и сменила тему: — Ты только в моё отсутствие ничего не затевай, пожалуйста. Ни уборку, ни заготовку зелий. Лучше вообще отдохни. Энциклопедию, там, почитай или на крайний случай какой-нибудь приключенческий роман. Посмотри, я тебе вот тут на стене вывесила график и напоминания о делах, обязательно сверяйся с ним, высыпайся. А если что-нибудь случится...

«Конечно, как только ты уедешь, сразу же начнётся конец света. Вся часть же только на тебе держится», — подумала я, но вслух ничего не сказала.

Потому что взрослые и ответственные люди не провоцируют своих сестёр, а улыбаются им до тех пор, пока они не уедут. А мне ужасно хотелось, чтобы она наконец уехала!

— Всё будет хорошо! Вот увидишь! — оптимистично улыбнулась я, опасаясь, что она передумает, и заверила: — О Валентайне я позабочусь, кашу сварю, с ложечки его покормлю. Если в столовой в обед не подадут суп, то и его сварю сама. Ты же не на месяц уезжаешь, а на три ночи всего. А вам с Бреном желаю хорошо провести время. Всё же тема интереснейшая: «Лечение ранений, нанесённых кантрадами». Разве такое можно пропустить? — нарочито пристрастно проговорила я, потому что Уна, разумеется, очень хотела попасть на симпозиум, организованный для работающих у Разлома целителей — событие важное и в чём-то даже эпохальное.

На удивление, моя уловка неплохо сработала.

Уна поправила и без того идеальную причёску — волосок к волоску. На её правом виске насыщенным голубоватым переливалась наша родовая печать. Особая метка Гесты, которую с гордостью носили одарённые полуночники — маги, питающиеся светом богини-луны. Эта височная печать делала нас ещё более похожими между собой, хотя, казалось бы, куда уж? Мы и так идентичные близняшки!

Рисунок височной печати дети наследовали от своих родителей, и она оставалась неизменной до проведения брачного ритуала, во время которого узоры двух молодожёнов складывались воедино, формируя новый, общий орнамент. Однако нам с сестрой это не грозило. На нас лежало проклятие, из-за которого никто не осмеливался на нас жениться.

Уна перепроверила небольшой саквояж, папку с документами, наличие писчих принадлежностей и трёх справочников. Трёхдневный симпозиум обещал быть местом жарких дискуссий, в которых сестра обычно участвовала с куда большей охотой, чем признавала. Всё же ввязываться в дебаты неподобающе для благородной нобларины, но если это дебаты медицинского характера, а сама она — целительница с сильным наследным даром, то дело совсем иное.

Несмотря на недавний приказ, обязывающий всех служащих у Разлома женщин в целях повышения мобильности носить брюки, на симпозиум Лунара надела строгое тёмно-синее платье старого образца, перешитое ещё нашей сестрой Аделью. Оно было куда «приличнее» и «достойно» смотрелось с белым медицинским передником.

Уна ещё раз поглядела на меня. Так, будто оставляла трёхлетку не только в компании Валентайна, но ещё и ядовитого паука, ящика галлюциногенных ягод, коробка спичек и бочки горючего.

— Там уже брат, наверное, приехал за тобой, — поторопила её я. — Иди, а то опоздаете на симпозиум, вам же ещё ехать долго.

Помявшись ещё пару мгновений, сестра наконец вздохнула последний раз (видимо, на прощание) и ушла.

Сложно описать чувство облегчения и радости, которое я испытала после её отъезда.

Нет, я очень люблю сестру. Она моя вторая половинка. Мы не только идеально похожи, мы ещё и идеально дополняем друг друга.

Но, честное слово, иногда она дополняет меня так сильно, что я аж передополняюсь!

В практически пустом по случаю полнолунной недели здании штаба Седьмой эскадрильи настала блаженная тишина, и ничто не нарушало покоя медблока и дежурной целительницы в моём лице.

Главная гарнизонная целительница — гарцель Блайнер (урождённая Боллар) и по совместительству наша с Уной старшая сестра Адель — уехала на семейное мероприятие: знакомство с кланом Блайнеров. Теперь, когда подморозило и военные у Разлома вздохнули поспокойнее, семейство Блайнеров захотело поближе рассмотреть своих новоиспечённых невесток, и беременной Адели отводилась роль звезды данного мероприятия.

Так как целителей среди Блайнеров никогда не было, то о накладке с симпозиумом никто даже не подумал, поэтому от нашей медчасти отбывать трудовую повинность отправилась Лунара, а я осталась за главную.

Когда мы с Уной достигли совершеннолетия и готовы были приступить к работе в Седьмой эскадрилье, командор позаботился о распределении двух временных помощников Адели в другие части. Мы заняли освободившиеся должности, служили теперь втроём и обычно прекрасно справлялись. Вообще, нам с сёстрами не привыкать к семейно-медицинским подрядам: до продажи нашей семейной клиники мы два года трудились под началом единственного старшего брата Бреура. Однако с Аделью было куда приятнее иметь дело. Да и командор Блайнер своих целительниц-своячениц в обиду не давал, поэтому мы неплохо адаптировались, несмотря на проклятье.

Нет, о нём я сейчас точно думать не стану! Не хватало ещё настроение себе испортить!

Я воодушевлённо посмотрела за окно. Зимой темнело блаженно рано, и хотя вечер ещё только-только начался, полная Геста уже взошла и залила голубоватым светом девственно чистые сугробы. Захотелось выйти на улицу, подставить лицо лёгкому морозцу и напиться магическим светом луны.

Проблема была только одна: никуда из здания части выходить нельзя, особенно на прогулки.

Все постройки вблизи Разлома укрепляли и армировали особым образом, чтобы твари не могли пролезть внутрь, даже плац, раскинувшийся перед зданием штаба, был защищён металлическим каркасом, но по плацу не очень-то погуляешь: сразу заметят и придут спрашивать, всё ли у меня в порядке.

Я сделала себе горячего чая и трижды проверила, что выключила плиту.

Достала из-под матраса не рекомендованную Уной энциклопедию и даже не приключенческий роман, а журнал. Не просто журнал, а самый одиозный, полный сплетен саркастичный «Ночной бессонник», порицаемый широкой общественностью в узком лице любимой сестры, и удачно забытый кем-то из курсантов в столовой. Оставлять его себе навсегда я не собиралась, намеревалась подкинуть обратно чуть позже. Да и вообще я этот журнал не столько взяла, сколько спасла от неминуемого уничтожения интендантом Лейном или тем же жрецом, так что совесть меня совершенно не мучила.

Благородной нобларине восемнадцати лет ни в коем случае не стоило опускаться до столь скабрёзного чтения, поэтому я планировала опуститься и даже пасть на дно морального разложения с огромным наслаждением.

Иначе когда ещё выдастся шанс?

Удивительно, что Лунара у меня его не нашла, иначе трёхчасовой лекции о недопустимости подобного поведения было бы не избежать.

Искрящийся светом пейзаж за окном так и манил.

Я осмотрела целительский кабинет и осторожно поправила единственную баночку, которая стояла немного неровно. Даже не знаю, как Уна пропустила такой вопиющий беспорядок. Целая неровно стоящая баночка!

Сестра у меня не просто педантичная. Она возвела слово педантичность в какой-то совершенно новый абсолют. И я честно подумывала написать письмо в академию и предложить её портретную карточку в качестве иллюстрации к слову «педантичность», однако меня останавливала неизбежность последовавшего бы за этим выговора.

Зато сегодня я наконец была предоставлена сама себе и могла делать, что заблагорассудится.

Именно поэтому я перелила чай в термос, оделась потеплее, подхватила циновку, журнал и самый плотный плед из шерсти нортских лам, а затем с улыбкой вышла из кабинета.

Уж с крыши прорыв однозначно не пропустить! Да и морозная тишина за окном стояла такая пронзительно нетронутая, что в нападение тварей как-то не верилось.

Вообще, ходить на крышу просто так не разрешалось, но некоторое время назад интендант Лейн дал мне ключ, а вернуть я его не смогла, потому что потеряла. Это, разумеется, никого не удивило. Всё-таки есть небольшие плюсы в репутации невнимательной растеряши...

Ключ потом нашёлся. Он каким-то образом оказался в холодильном ларе, где и завалился между банкой со сливками и бутылкой молока. Признаться в том, что нашла ключ, я не стала, ведь меня за его потерю уже отругали.

В общем... так он и остался у меня. Когда не было работы, я иной раз старалась улизнуть на пустующую плоскую крышу и побыть там в одиночестве. Адель тоже иногда одалживала ключик, так что его наличие секретом не являлось, хотя Уна и уговаривала меня вернуть пропавшую интентанту Лейну.

На улице оказалось не так уж холодно, а без ветра и вовсе замечательно.

Перед глазами расстиралось кипенно-белое пушистое покрывало нетронутого снега, которым мягкая зима заботливо укрыла штаб.

Я очистила от наледи старенькое кресло-шезлонг, кем-то забытое на крыше задолго до нашего с сёстрами появления в эскадрилье, а может — даже задолго до нашего рождения.

Циновка отлично защищала от холода, а плед не позволял лёгкому морозцу кусать меня за пятки. От термоса исходил сладкий, густой пар, и я с наслаждением пригубила ягодный чай.

Ночное небо казалось бесконечным, а кристальная лунная чистота воздуха создавала странное ощущение, что если долго всматриваться в горизонт, можно за его гранью увидеть будущее.

Я едва успела открыть первую страницу «Ночного бессонника», как вдали раздался гул.

Это дежурные пилоты возвращались с облёта Разлома, а на смену им уже готовилось к взлёту другое крыло.

Я нашла глазами взлётно-посадочную полосу, по которой один за другим из ангаров выкатывались маголёты, покрашенные в ярко-оранжевый цвет. Именно такую краску поставили в часть в этом сезоне, и командор Блайнер долго и с чувством чихвостил снабженцев, ведь качество у неё оказалось не очень. Зато цвет шикарный! Эх, мне бы такое платье!

Четырёхкрылые бипланы выстроились в колонну, и первый начал разбег.

За его ходом наблюдал главмех Дресэер — худощавый полуденник с седой шевелюрой. Внешне типичный представитель своей расы — смуглый и черноглазый — он отличался тем, что не боялся ни наполненной магией ночи, ни кантрадов.

Как правило, неодарённые полуденники и одарённые полуночники вели слишком разный образ жизни, чтобы пересекаться, но служба размывала эти условности. Да, обычно маги вели ночной образ жизни, питались светом Гесты и из всех сил избегали обжигающих лучей Солара, прячась днём в домах. Но здесь у Разлома всё было иначе. Иной раз приходилось и на солнце выходить, несмотря на ожоги, которые оно оставляло на нежной белой коже полуночников. Впрочем, полуденникам приходилось не легче. Обычно они прятались от пробуждающейся по ночам агрессивной магической фауны за толстыми стенами, а днём занимались сельским хозяйством или строительством — привычными делами. Однако лучшие механики и техники получались именно из них, поэтому работать частенько приходилось по ночам.

Как сегодня.

Гул усилился — это завелись двигатели и завращались пропеллеры на готовящихся к взлёту бипланах.

Какие же они красивые!

Первый поднялся в воздух, и сразу за ним последовали остальные «крылатики», как их нежно называли в эскадрилье.

Проследив за взлётом, главмех что-то скомандовал в переговорник и повернулся лицом к возвращающемуся с дежурства крылу. Маголёты приближались очень быстро, первые четыре, качнув крыльями, заложили плавные виражи, чтобы сесть на взлётку против ветра, а вот последний вёл себя как-то странно. Он снижался и летел прямо. Прямо на здание штаба.

Мне понадобилось секунды три, чтобы понять, что с курса он не свернёт.

С земли закричали. Громкие мужские голоса раскололи хрустальную тишину морозной ночи, а гудящий ярко-рыжий биплан стремительной молнией летел на меня.

Я вскочила с шезлонга, запуталась в пледе, выронила термос и упала на колени.

Время словно замедлилось, и я не могла отвести взгляда от надвигающейся катастрофы.

Маголёт вдруг дрогнул в воздухе, резко ушёл в сваливание, потеряв подъёмную силу, и ткнулся в крышу носом шагах в ста от меня. Удар был таким сильным, что дрогнуло всё здание. Раздался дикий грохот, заложило уши, ломающийся пропеллер на последнем обороте выбил из камня крошку. Я завизжала, попыталась выпутаться из пледа, но отчаянно не успевала — рыжую махину инерцией тащило на меня. Под маголётом подломилось шасси, он рухнул на брюхо и с диким скрежетом проехался по крыше, вспарывая гладь снега раскуроченным носом.

Сквозь лопнувшие металлические швы фюзеляжа засветилась магия.

Там же пилот!

Двигатель маголёта ревел, но я скорее ощущала вибрацию всем телом, чем слышала звук.

Распахнулась дверца кабины, но из неё никто не появился.

Свечение двигателя усилилось, ослепляя, я наконец вскочила на ноги и кинулась к маголёту — помочь раненым!

Пилот судорожно дёргался в кресле, но от удара так сплющило морду маголёта, что ему зажало ноги. Это что, Местр?!

Раздался его крик:

— Уходи! Сейчас взорвётся!

Свечение и гул стали настолько сильными, что оглушали. Только пилоту не выбраться самому! Я кинулась к нему, вцепилась в левую руку и рванула на себя. Он взвыл, но его тело поддалось, когда я потянула его вбок. От напряжения у меня что-то хрустнуло в спине, но я тянула его на себя изо всех сил, пока не выдрала из металлической ловушки. Из лопнувших швов показались синие язычки пламени, и я в панике рванула пилота ещё сильнее — уже прочь от маголёта.

Не знаю, как хватило сил, я даже не ощущала тяжести, просто волокла Местра к выходу с крыши, из которого уже высыпали дежурные офицеры.

И в этот момент взорвался маголёт.

Глава 2

Тридцатое октября. Поздний вечер Лиора Боллар

Нас спасли майор Гёрдонан и капрал Тоулáйн. Последнего я всегда считала увальнем. Среди остальных собранных и поджарых военных он казался полноватым, веснушчатым недо-разумением, но именно он успел накрыть нас щитом от первого взрыва накопителей, а затем втащил внутрь штаба до того, как бабахнули неизрасходованные боеприпасы. Именно он потом поднял Местра и поволок в медчасть, пока меня подхватили под локти и буквально внесли туда курсанты. Я даже не видела лиц, только отметила их белые кители, отличные от тёмно-синей формы офицеров.

Местра водрузили на кушетку в приёмной медблока, не донеся до операционной, но я не успела ничего сказать, как меня взял за плечи и начал осматривать майор Гордонан:

— Лиора, ты не ранена?

Мужские руки деловито стянули с меня дублёнку, ощупали конечности, затем слегка похлопали по щекам, приводя в чувство, снова взяли за плечи и встряхнули:

— Соberись! Справишься?

Голова непроизвольно качнулась назад, а потом вперёд, что он принял за кивок и отпустил меня. Я повернулась к пациенту и наконец вышла из ступора:

— Столик с инструментами сюда! — просипела я в пустоту, но моё распоряжение тут же исполнили. — Обеззараживающее! Там, в шкафу. Срежьте с него штанины!

— Держись, Местр! — раздался голос Гордонана.

На лицо раненого я даже не смотрела — кинулась накладывать обезболивающие и кровоостанавливающие заклинания. Взгляд зафиксировался на плотных некогда белых штанах, пропитанных кровью. К счастью, ткань не порвало на мелкие клочки, значит, в ранах будет меньше грязи. Обе штанины вспороли кинжалом и обрезали до паха другие курсанты, а я наконец смогла оценить ранение.

На левой ноге ничего страшного — пара открытых переломов и свёрнутое набок колено. А вот правая... Вырисовывая на участке здоровой кожи диагностическое заклинание, я внимательно её осматривала.

Протокол предписывал ампутировать конечности в случае таких ранений, особенно в боевой обстановке. Уна ампутировала бы, я это точно знала. Она всегда говорила, что инструкции написаны кровью. Я всегда с ней соглашалась, лишь бы не спорить.

Правая нога от колена до щиколотки была просто размозжена. Как же его так зажало? И как я вообще смогла его вытащить? Не иначе сама Геста помогла.

Я поскорее наложила несколько заклинаний, чтобы предотвратить эмболию.

— Снимите ботинки и китель, — распорядилась я не своим голосом и только теперь посмотрела на разбитое лицо пилота.

Действительно курсант Дервин Местр. Один из немногих в эскадрилье, кого я знала.

Просто потому, что его мать, Моэра Местр, и прокляла наш род.

Он глядел на меня широко распахнутыми серо-голубыми глазами, казавшимися нереально огромными на разбитом окровавленном лице. Видимо, приложился о штурвал носом — тот был сломан, а кожа рассечена на переносице.

Огромные зрачки говорили о том, что Местр в глубоком шоке.

— Всё будет хорошо. Бывает гораздо хуже, — зачем-то сказала я и принялась за его ранения.

Обработала свои руки, ещё раз осмотрела правую ногу, отмечая взглядом осколки большеберцовой и малоберцовой костей. На левую ногу наложила заклинание наподобие стазиса — чтобы текущие в организме процессы не помешали заняться ею позже, а сама принялась осторожно напивать магией пациента.

Ампутировать?

Жалко... молодой совсем. Протезы делают, конечно, хорошие, но он же только после академии... Стопа в грубом ботинке почти не пострадала, больше всего досталось голени. Кости в труху, мускулы раздавило... Но если из двух костей собрать одну?.. Малоберцовую удалить, большеберцовую посадить на кевредовый штифт...

Опять же, у нас не нападение кантрадов, да и второй номер, судя по силе взрыва, вряд ли выжил, иначе его бы уже принесли сюда.

Мозг быстро и чётко отсекал лишнее: из поля моего внимания привычно исчез окружающий мир, я целиком погрузилась в работу.

Накачивая раненого магией, принялась восстанавливать то, что могла. В конце концов, ногу можно и позже ампутировать, если пойдёт сепсис или начнётся гангрена. Стопу-то жалко отсекать, она здорова.

Штифты — обработанные и готовые к использованию — лежали в отдельном ящике в операционной, пришлось прерваться и сбегать за ними. Я выбрала нужный размер и начала собирать мозаику из костей, самую сложную в своей недолгой практике. К счастью, накопителей и силы у меня было залейся, а пациент — лишь один.

Пока сращивала кость на штифте, с удивлением поняла, что если взять ещё один штифт, потоньше, то можно и малоберцовую спасти...

Я даже не видела, в какой момент пришёл жрец Валентайн — сухонький, докучливый старичок, умудрившийся каким-то образом влюбить в себя мою чопорную сестру-близняшку, обычно не склонную к проявлению чувств.

Покрахтев, он сел в отдалении и прогундосил:

— Посижу-ка тут на случай, коли ты решишь пациента угробить.

Я запретила себе отвлекаться на ответ, но внутри полыхнуло так, что можно было бы дыхнуть на вредного старикана огнём. Вместо этого я целиком погрузилась в дело и даже не замечала течения времени, пока не заломило шею и плечи. Мельком взглянула на часы — было уже за полночь, с момента крушения маголёта прошло часов пять.

Каждое сухожилие, каждое порванное мышечное волокно я магией сращивала воедино, где-то подшивала, где-то помогала себе заклинаниями — и всё шёпотом проговаривала вслух, чтобы ничего не забыть.

Сложнее всего пришлось с кожей, её с передней части голени просто стесало. Я иссекла небольшие полоски с бёдер и прижила их, а потом зашила все ранения.

Ноги Дервина теперь напоминали лоскутное панно, выполненное маньяком-вивисектором, однако я была почти уверена, что пациент сможет ходить. Молодой, талантливый маг. Восстановится ещё. В конце концов, он пилот. Даже хромота не мешает карьере.

Его собственная бешеная сила не вступала в конфликт с моей, как иногда случалось при оперировании магов, и я спокойно закончила работу над правой ногой, затем занялась левой: сопоставила сломанные кости и срастила их.

Конечно, в первые сутки места сращений ещё будут очень хрупкими, поэтому даже при визуально здоровых ногах пациенту придётся отлежаться пару ночей, но... у него есть все шансы выздороветь!

Воодушевлённая результатом, я ещё раз перепроверила все швы и дренажи, забинтовала ноги и наложила лангеты.

Валентайн завалился на свободную кушетку и похрапывал. Этот звук умиротворял: по крайней мере, я слышала, что он жив.

Закончив с ногами Местра, запустила диагностическое заклинание ещё раз и занялась руками — на ладонях у него были странные ожоги, причём с внутренней стороны. Что за ерунда?

Я безжалостно вспорола рубашку и швырнула на пол лохмотья, подлечила ладони, нанесла на них мазь и перебинтовала, а затем взялась за тупую травму груди. К счастью, удар был не такой силы, чтобы случился разрыв селезёнки, да и пострадало всего два ребра. Можно сказать, повезло.

Деловито проверив тело ещё раз, я наконец решила заняться носом и громко ойкнула, подпрыгнув на месте от неожиданности.

Дервин Местр смотрел на меня немигающим взглядом.

От испуга у меня дыбом встали волосы на всём теле.

Я что, забыла его усыпить?! Я что, оперировала его, пока он был в сознании? Ещё и на кушетке, где часть под спиной и плечами приподнята так, что он мог всё видеть?!

Это же грубейшее нарушение врачебной этики!

Запаниковав, я нервно сглотнула и шёпотом спросила:

— Ноблард Местр?

Он ничего не ответил, продолжая всё также безотрывно на меня смотреть.

— Ноблард Местр? — я коснулась его окровавленного лица и наклонилась ближе.

Его глаза следили за моими движениями, но он молчал.

Я раздосадованно сжала кулаки. Бедный, он всю ночь смотрел, как его оперируют! Какой кошмар! Как я могла так облажаться?!

На глаза навернулись слёзы. Права Уна: ничего я не могу сделать по-человечески.

Всхлипнув, я принесла лоток с тёплой водой и принялась ватным тампоном смывать с лица Дервина кровь, чувствуя себя ужасно виноватой перед ним.

— Ноблард Местр, почему вы ничего не сказали? — шмыгнула носом я. — Вы можете подумать, что я нарочно так с вами, но я просто испугалась взрыва и немного растерялась. Честное слово! У меня не было намерения вас мучить!

Он снова ничего не ответил, но глазами продолжал следить за мной внимательно и с какой-то жутковатой обречённостью.

— Но есть и хорошие новости, — наконец собралась с мыслями я. — Голень мы сохранили. По протоколу её предписывалось ампутировать, но у нас вроде бы неплохо получилось её пересобрать. Думаю, вы будете ходить. Может, даже за девушками бегать. Вряд ли быстро, поэтому выбирайте лучше неуклюжих, — сквозь слёзы улыбнулась я, и уголки его губ вдруг дрогнули. — Ноблард Местр? Вы меня понимаете?

— Дервин, — прошелестело в ответ.

— Дервин, — не стала я спорить с заторможенным пациентом. — Вы меня понимаете?

Ответа не последовало.

Может, нужно добавить ещё немного оптимизма?

— А ведь всё могло быть гораздо хуже. Подумаешь, нога! — нарочито бодрым тоном проговорила я. — Могло ведь и голову размозжить. Или, к примеру, пах. Для мужчины одно из самых страшных ранений... Или вот, например, если бы глаза посеколо осколками и они бы вытекли, то даже самый опытный целитель ничем помочь бы не смог!

— Утешальщица из тебя, конечно, так себе, — прокряхтел Валентайн.

Я подпрыгнула на месте второй раз.

Совершенно о нём забыла!

— Вы что тут делаете? Никто тут умирать не собирается, воскрешения не требуются, — обиженно отозвалась я.

— Я кашу свою жду. Лунарочка обещала, что ты приготовишь, — ехидно заметил старый жрец.

— Вот прям сейчас пациента брошу и начну вам кашу варить! — сердито огрызнулась я, но потом вздохнула, заставляя себя успокоиться.

Жрец же не виноват, что я облажалась и не усыпила Местра перед операцией. Хорошо хоть обезболила!

Обезболила же? Нет, точно обезболила!

— Извините. Устала очень. Давайте с кашей в другой раз.

— Я всю ночь голодный сидел, ждал, когда ты закончишь, — не отставал Валентайн. — Пациента, небось, тоже кормить надо, а столовая не скоро откроется. Долго рассветника-то ждать.

Он был прав. Часы показывали, что ночь на излёте, а до рассветника ещё несколько часов.

Я собралась с мыслями и кивнула:

— Хорошо. Ждите. Только не отвлекайте.

Я ещё раз осмотрела Дервина, потом потрогала его лоб. Жара пока не было, симптомов тромбоза тоже. Принесла стакан с очень хорошим восстанавливающим зельем и спросила пациента:

— Дервин! Сами попьёте или с ложечки попоить?

Он наконец отмер: потянулся губами к стакану, который я поднесла к его рту, и позволил себя напоить, после чего его взгляд стал более осмысленным.

— Дервин, вы как? — спросила я, касаясь пальцами его щеки.

Стыдно было невероятно, но что теперь поделаешь — урон уже нанесён.

Я ласково погладила его по высокой скуле и чисто выбритой щеке.

Он молчал.

— Дервин, вы как?

— Ты. Ты как... — надсадно прохрипел он.

Интересно, это он меня поправил или спросил?

В любом случае волновать его сейчас нельзя, поэтому с внезапным переходом на ты пришлось согласиться.

— Я в порядке. А ты как?

— Жив, — с трудом проговорил он.

— Вот и чудесно, — обрадовалась я. — Жив и двуног! А сейчас ещё и целонос будешь.

Я обновила обезболивающее заклинание, бережно вправила Дервину нос и улыбнулась: красоту не испортила, завтра лицо заживёт, останутся только желтоватые разводы, а через неделю никто уже и не скажет, что нос когда-то был сломан.

Так как он был почти раздет — бинты и кривые шорты из курсантских штанов не в счёт! — заботливо накрыла его простынкой и сверху пледом, чтобы не мёрз.

— Ты про кашу-то не забудь! — снова вырвал меня из потока мыслей голос жреца.

— Не забуду! — заверила я и отправилась в ванную комнату.

Тщательно отмыла руки, набрала воды в ведро, чтобы потом не забыть вымыть полы.

Вернулась в кабинет, заметила валяющиеся на полу окровавленные обрывки рубашки и штанин, решила всё убрать. Следом — инструменты замочила, подмела пол. Не в грязи же есть...

— Про кашу не забудь! — опять напомнил жрец

Да что ж такое! Отставила веник, принялась за кашу. Поставила греться молоко в небольшой кастрюльке, подготовила крупу. Пока оно закипало, домела с пола обрывки бинтов и одежды, ежесекундно напоминая себе о молоке.

И всё же чуть его не упустила — оно кипящей пеной поднялось над кастрюлькой, но я вовремя бросила метлу и подхватила её с плиты. Закинула в молоко крупу и травы, добавила бабушкины секретные ингредиенты: чуточку перца, а затем — ложку орехового масла для сытности и неуловимого привкуса.

Размоченные ягоды багряники уже стояли в стакане на подоконнике — Уна озабочилась этим заранее. Протёрла их через ситечко и посолила. Да, в бабушкином рецепте солить нужно было ягоды, а ложку мёда добавлять в уже готовую кашу. Именно так, а не наоборот.

Всё это время Дервин неотрывно следил за мной взглядом, отчего у меня из рук едва ли не валились солонки, ложки и ситечко. Наконец я разложила медовую кашу по двум глубоким тарелкам, а потом сверху добавила несколько ложек ягодного пюре и отдала одну порцию Валентайну. Со второй подошла к Дервину и сказала:

— Каша очень сытная. Я тебя сейчас накормлю, а потом попрошу переложить на постель и усыплю на весь день. Сон — лучшее лекарство. Завтра сделаем перевязки, проверим ожоги и то, как заживает нога.

— Я не голоден.

— Но поесть всё же стоит, — настаивала я. — Хотя бы немного.

— Почему? — вдруг хрипло спросил он.

Я принялась мягко уговаривать:

— Телу нужны силы для восстановления. Каша сытная и полезная. Зелья лишь притупляют чувство голода, но это обман. Они не насыщают. Если бы у тебя было отравление или высокая температура, то я даже запретила бы еду, но у тебя пострадали лишь ноги, а телу сейчас нужно много строительного материала, чтобы восстановиться. Чуть позже я схожу за птицей и сделаю тебе бульон. А пока поешь, пожалуйста, кашу.

Зачерпнув половинку ложки, подула на неё и предложила пациенту. Так как на кушетке он полусидел-полулежал, то кормить его было удобно. Пожалуй, вот и преимущество перед операционным столом.

Дервин послушно съел ложку каши, продолжая глядеть ровно мне в глаза, отчего по спине бежал холодок. Даже немного неловко становилось.

— Вкусно, — едва слышно признал он и съел ещё десяток ложек, а потом откинулся на кушетке, показывая, что больше есть не будет. — И всё же: почему?

— Что «почему»? — растерялась я.

— Почему ты меня спасла?

Я напряжённо замерла с ложкой каши в руке, но от эмоционального разговора меня спас Валентайн. Он уже расправился со своей порцией и попросил добавки:

— Лирка, ну-ка, положи ещё! Хороша каша. Не такая вкусная, как у Лунарочки, конечно, но тоже ничего.

Отдала ему свою порцию — всё что угодно, лишь бы отстал и ушёл спать. Хотя куда там? Выспался, небось, полночи прохрапел.

— Знаете что? Забирайте тарелку, а мне нужно сделать уборку, пациента переложить, — не очень ласково подтолкнула я жреца к выходу, пока он не придумал мне ещё какое-нибудь занятие. — А вам пора отдыхать. Настойку Уна же вам давала? Пару капелек в рот — и спокойного сна.

— Вот ещё! — заартачился он. — За тобой, вертихвостка пустоголовая, только гляд да гляд нужен.

— Я не пустоголовая, — зашипела в ответ, хотя прекрасно понимала, что лучше игнорировать.

— Пустоголовая! Пациента не усыпила. Чудом на тот свет не отправила...

Только я хотела возмутиться, как заговорил Дервин, причём заговорил так, словно не лежал весь перебинтованный и полуголый на кушетке, а оппонировал собеседнику в Синклите:

— Ваша праведность, вы заблуждаетесь. Лиора Боллар спасла мне жизнь, и я ей за это бесконечно благодарен. А что до бодрствования во время операции — так это был мой выбор, я бы не позволил себя усыпить, так как заинтересовался процессом. А сейчас настоятельно прошу оставить медчасть. Ваш голос мешает мне спать.

Взгляд при этом был... как у нобларда Местра, а не как у курсанта Дервина.

Валентин вспыхнул, но я уже подхватила его под острый локоть и потянула за собой:

— Пациенту нужен покой. Что скажет командор Блайнер, если выяснится, что мы плохо обращались с его кузенком?

Командор Кеммер Блайнер и по совместительству мой зять — один из немногих, к кому жрец относился с уважением, поэтому мне всё же удалось выпроводить его в коридор.

На мгновение выйдя из медблока, я обнаружила снаружи трёх товарищей Дервина: принца Трезана, громилоподобного норта Леввек а и Кёнвера Зоура.

Если так задуматься, то компания странная и уж слишком разношёрстная.

Принц и Дервин знакомы с детства: проклявшая наш род Моэра Местр (урождённая Блайнер) дружит с императрицей. Возможно, именно благодаря этому она никогда так и не понесла достойного наказания за своё злодеяние. Кенвер Зоур учился вместе с принцем и Дервином в академии, и эта парочка высших аристократов почему-то приняла простолюдина в свою компанию и охотно с ним общается. А норт прибил к их троице уже здесь, в части.

Теперь трое друзей Дервина смотрели на меня так, будто я должна была явить им чудо.

— Операция прошла... приемлемо, — подобрала я подходящее слово. — Голень пока удалось сохранить, завтра вечером посмотрю, насколько хорошо прижились ткани. Пока обещать что-либо рано.

Норт выдохнул с облегчением, а затем пробасил:

— Трезан, ты езжай, мы справимся сами, — он хлопнул принца по плечу. — Не хватало ещё, чтобы тебя батя приехал в часть разыскивать. Офицеры тебе за это спасибо не скажут. Ты ещё в полночь должен был во дворец вернуться, а сейчас уже утро. У вас же там эпическая свадьба намечается...

— Да, езжай, — кивнул Зоур и обратился ко мне: — Жизни Дерва ничто не угрожает?

— Нет, угрозы для жизни нет, — заверила я, а после вспомнила наставления брата о том, что выражаться надо аккуратнее, и добавила: — На данный момент.

— Он в сознании?

— Да, только немного в ступоре из-за случившегося. Лучше его сейчас не беспокоить и не тормошить. Я обязательно передам, что вы справлялись о его состоянии.

Принц Трезан, служащий в Седьмой эскадрилье на общих основаниях, кивнул:

— Хорошо. Пусть отдыхает... Если я чем-то могу помочь...

— На данный момент ему нужен только сон.

— Я пришлю отцовского целителя. Для консультации, — сказал Трезан.

— Не обращайтесь внимания, капрал Боллар, — пробасил норт. — Трезан просто переживает из-за того, что Дервин полетел на том маголёте, который предназначался ему. Он считает, что Дерв из-за него пострадал.

— Расследование уже началось. Хорошо бы допросить Дерва, — протянул Зоур. — А тебе, Трезан, и правда лучше уехать во дворец. Если это действительно было покушение, то оставаться в части опасно.

Пока я переваривала сказанное, заметила ожидавших в дальнем конце коридора гвардейцев. Охрана принца? И где оставшийся за старшего майор Гордонан?

— Сейчас лучше оставить нобларда Местра в покое, — настаивала я. — Вечером допросите, после пробуждения. Сейчас ему нужен сон.

— Хорошо. Я так и сообщу майору Гордонану, — сказал Зоур.

Принц всё же не послушал меня — зашёл в кабинет, наклонился к Дервину и что-то спросил. Дервин ответил, и несколько минут они шептались, а потом принц распрямылся и распорядился:

— Парни, помогите мне отнести Дерва в ванную комнату.

— Не надо его куда носить! Для таких целей есть больничная утка, — возразила я, и все посмотрели на меня так, будто я сморозила какую-то жуткую глупость, а Дервин ещё и порозовел.

— Даже если я буду при смерти, я не позволю вам, нобларина Боллар, подносить мне утку, — строго проговорил он, напомнив тоном Уну. — Это не обсуждается.

В общем, остановить четверых парней, среди которых был амбал-норт и привыкший к подчинению окружающих принц, — задачка не из простых. Когда я попыталась перекрыть им путь, Леввек вежливо и очень бережно поднял меня за талию и переставил в угол.

— Вы не можете распоряжаться в моём медблоке! — возмутилась я.

— Не можем, — тут же закивал норт, отрезавший меня от остальных своей массивной фигурой. — Да мы и не распоряжаемся. Вы только не сердитесь, пожалуйста, прекрасная нобларина Боллар.

— Я на вас докладную напишу! — насупилась я. — Курсанты по уставу обязаны подчиняться капралу!

— Я уже весь подчиняюсь, капрал Боллар, — широко оскалился норт в тщетной попытке изобразить обаятельную улыбку.

— Хулиганы! — фыркнула я, но сердиться было уже поздно: моего пациента вернули, только почему-то мокрого.

— Вы же не намочили бинты? — раненой медведицей взревела я.

— Да всё с ним в порядке, зато не завоняется, — заверил меня Зоур.

— Положите его на кровать и вон отсюда! Все трое! — зарычала на них.

На этот раз они всё же послушались: стушевались и двинулись к выходу, поджав хвосты, а последним шёл принц, поджав косу.

Глава 3

Тридцатое октября. Глубокая ночь Дервин Местр

Дервин сходил с ума. В первую очередь — от несоответствия картинки и ощущений.

Лиора Боллар оперировала его ногу, а он не чувствовал боли. Ничего не чувствовал. И всё внутри восставало против этой немоты ощущений. Казалось, что лучше боль, чем эта странная, противоестественная пустота.

Развернувшийся перед его взором анатомический театр казался глубоко неправильным, и он с трудом верил, что это его собственная нога сейчас напоминает сырую отбивную из мясной лавки.

Смотреть на это было невыносимо на физическом уровне, поэтому он сфокусировал взгляд на профиле целительницы. Из двух заплетённых кос выбились прядки, одна вилась позади, щекоча нежную шею, а другая — особо непослушная — всё время лезла в глаза. Лиора постоянно убирала её сгибом локтя, чтобы не касаться окровавленными руками своего лица.

Дервин никогда не рассматривал самую младшую из сестричек Боллар со столь близкого расстояния.

Хорошенькая, миниатюрная, неожиданно живая. Все эмоции были написаны у неё на лице, и он мог по мимике определить, как проходит операция.

Как она вообще смогла вытянуть его из кабины — она же такая маленькая! Раз в два меньше него.

Несколько раз накатывало странное состояние, словно сознание практически гасло, и тогда всё, что он видел перед собой, — это чёткий девичий профиль, чуть вздёрнутый носик, белые прядки волос, изящный рисунок шеи. Он каждый раз старался сосредоточиться на них, не позволить себе уплыть в небытие, чтобы рвущаяся наружу наэлектризованная сила не вышла из-под контроля и не помешала его спасительнице. А сила рвалась: её всегда было так много — чуть больше, чем нужно, чуть больше, чем он мог удерживать без напряжения.

Дервин настолько потерялся на этой странной грани сознания и беспамятства, что когда Лиора с ним заговорила, даже не понял слов. Слушал голос — довольно высокий, но не резкий. Мелодичный и звонкий. Приятный. Она что-то долго говорила, а потом улыбнулась.

Улыбка у неё была хорошая — добрая и почему-то немного виноватая. Нежная и открытая улыбка, которой он не заслужил. Он попытался улыбнуться в ответ, но получилось как-то странно — словно губы стали чужими. А ещё ему не нравилось, что Лиора Боллар обращалась к нему по титулу. Это тоже казалось чем-то странным и совершенно неправильным, противоестественным.

Неожиданно вспомнилось, как старшая сестра Лиоры, его бывшая одноклассница Кайра Боллар, говорила: «Местр должен знать своё место». Как же это бесило!

Нет, не надо Местром. Пусть Лиора называет его Дервином или даже Дервом — по-дружески. И на ты.

Вмешался другой голос — скрипучий и старческий, но Дервин даже головы не повернул на источник звука.

Постепенно он приходил в себя. Лиора напоила его и даже накормила, но он всё не мог понять — почему? Почему она так сильно рискнула собой и сунулась в маголёт? Она же знала, что при деформации — особенно при резкой деформации от удара — накопители могли взорваться. Или не знала?

И знала ли она, кого спасала? Случайно вытащила его или настолько благородна, что помогла врагу?

А ведь он её враг, и ничего тут не попишешь — роли были распределены ещё до рождения Лиоры и Дервина.

Кайра Боллар всегда люто его ненавидела, и хотя он понимал причины и даже чувствовал свою вину, всё равно бесился, особенно когда она донимала его подначками или доставалась в соперницы на спаррингах. Вот это было самое тяжёлое, потому что она всё время дралась насмерть, костями готова была лечь, чтобы унизить и размотать врага по рингу. А Дервин отдал бы что угодно, лишь бы никогда не драться с девчонкой. Особенно Кайрой Боллар. Особенно такой невменяемой, впавшей в убийственный раж Кайрой Боллар.

Если быть уж совсем честным, Дервин её опасался. И не он один. В её глазах порой мелькало такое доведённое до крайности отчаяние, что он разумно предпочитал отступать. Никогда не знал, на что именно она способна и подозревал, что тормозов у неё нет никаких.

Он трижды просил мать снять с Болларов проклятие.

Первый раз на первом курсе: надеялся, что если Кайра Боллар сможет наконец выйти замуж, то отчислится и перестанет его доставать.

Второй раз на втором курсе: потому что видел, насколько тяжело ей даётся учёба на боевом факультете и насколько жестоки к ней окружающие. И хотя они с Кайрой всегда находились по разные стороны баррикад, порой его одноклассники творили такое, что он испытывал глубочайшее отвращение. Какая бы она ни была, Кайра всё же девушка, нельзя же с ней так! Он постоянно подталкивал Трезана вмешаться, потому что сам не мог. Прекрасно понимал: гордая Кайра скорее удавится, чем примет помощь от сына Моэры Местр.

Третий раз случился не так давно, полгода назад. Он долго пытался убедить мать в несправедливости проклятия, но она стояла на своём. Несмотря на все его доводы, Моэра Местр считала, что род Болларов должен быть уничтожен, а если проклятие поддержала сама Рыжеокая Таната, значит, правда на её стороне.

Мать порой упиралась и стояла на своём насмерть, да и вообще довольно неохотно признавала свою неправоту. Однако она также была очень умной и с детства учила: «Всегда имей запасной план, никогда не совершай поступков, которые нельзя отменить». Именно поэтому Дервин знал, что какой-то способ снять проклятие всё же есть. Его мать не могла не оставить для себя лазейку!

К сожалению, все разговоры пропадали втуне — Моэра Местр искренне считала Болларов дурным семенем и помогать вражескому роду не собиралась. Единственный человек, которому она охотно уступала, — это отец Дервина, а ему до Болларов дела не было. Он всегда занимал сторону жены и говорил, что Отральд и Вивиана Боллар заслужили наложенное на их семью проклятие тем, как ужасно обращались с Моэрой.

Однако мать наказала их слишком жестоко — наложила на их семейную височную печать проклятие, убивавшее супруга или супругу любого из её носителей в ночь бракосочетания. Отральд и Вивиана Боллар — родители Лиоры — погибли, пытаясь его снять.

Но не преуспели. Их дети остались проклятыми, не могли сочетаться браком без того, чтобы не погубить своего первого супруга или супругу, а ещё вынуждены были платить налог на безбрачие, установленный императором для всех магов, дабы те как можно раньше создавали семьи и рожали как можно больше детей.

И вот Лиора, по вине матери Дервина оставшаяся без родителей в одиннадцать лет, много часов подряд собирала его ногу по крошечным кусочкам, заботливо мазала ожоги и отмывала лицо от крови.

Чувство стыда, вины и беспомощности давило на грудь, и он наконец спросил:

— Почему?

Она неправильно его поняла, пустилась в рассуждения о пользе каши и заставила Дервина съесть несколько ложек. Но его волновала не каша, поэтому он из вежливости похвалил вкус и спросил ещё раз:

— И всё же: почему?

— Что «почему»? — Лиора удивлённо захлопала глазами, словно действительно не понимала, о чём речь.

— Почему ты меня спасла?

К сожалению, ответа он не получил. Вмешался старик Валентайн.

Дервин заворожённо наблюдал за тем, как Лиора распрямилась и обернулась к жрецу. Картинка слегка смазалась, он снова начал уплывать в то мерзкое предобморочное состояние, но на этот раз справился с ним быстрее. Не потерял нить беседы и успел даже дать отпор жрецу, начавшему отчитывать Лиору.

Тот назвал целительницу пустоголовой и ехидно добавил:

— Пациента не усыпила и чуть на тот свет не отправила...

Это было настолько далеко от правды, что у Дервина всё заклопотало в груди, но выдержки хватило, чтобы ответить холодно:

— Ваша праведность, вы заблуждаетесь. Лиора Боллар спасла мне жизнь, и я ей за это бесконечно благодарен. А что до бодрствования во время операции — так это был мой выбор, я бы не позволил себя усыпить, так как заинтересовался процессом. А сейчас настоятельно прошу оставить медчасть. Ваш голос мешает мне спать.

Даже если Лиора и ошиблась, оставив его в сознании, он отказывался признавать её неправоту. Конечно, она растерялась, её саму едва не ранило взрывом и наверняка оглушило! Чудо, что она вообще осталась на ногах и смогла провести сложнейшую многочасовую операцию.

Поведение старика Валентайна Дервин запомнил и отметил.

Когда Лиора выставила жреца из медблока, вошёл Трезан, а за ним и двое других его товарищей.

— Наконец-то! — едва слышно пробормотал Дервин.

Несколько секунд, пока друг шёл от входа к его кушетке, в сознании растянулись на века.

— Что произошло? — хмуро спросил Трезан.

— Штурвал заклинило напрочь, — заговорил Дервин, испытывая облегчение, что наконец сможет всё объяснить. — Ни на себя, ни от себя, ни влево, ни вправо. Он ещё и нагрелся, тварь такая. Я честно пытался отвести биплан в сторону от штаба, но пересилить штурвал не смог. Он словно впаялся в приборную доску.

— Накопители вышли из строя? — Трезан машинальным движением перехватил косу и взлохматил её кисточку.

Он всегда так делал, когда нервничал.

— Не знаю! Как только я стал снижаться и сбрасывать обороты, штурвал начал залипать, а потом просто встал намертво и нагрелся. Я все руки сжёг, пока пытался его свернуть. Хотел увести от штаба! — повторил Дервин.

— Не переживай, пострадавших в части нет. Взрыв случился над столовой, но, по счастью, она в тот момент пустовала.

— А мой второй номер? — пытливо спросил Дервин, и троица его друзей мрачно переглянулась.

Зоур качнул было головой, пытаясь заставить принца молчать, но тот ответил правду:

— Погиб. Видимо, ударом его приложило так, что он потерял сознание и не смог выбраться сам, а потом маголёт взорвался. Гордонан уже начал расследование и вызвал командора Блайнера. Главмех рвёт и мечет — утверждает, что сам проинспектировал крылатик перед вылетом и ничего криминального не заметил.

Дервин прикрыл глаза, ощущая себя последним подонком.

До прихода Трезана он даже не вспомнил о Дидале. Да, они не приятельствовали, едва успели познакомиться, но он — нормальный парень и довольно меткий стрелок, именно поэтому его ставили вторым номером. Артиллерист из него куда лучше, чем пилот. Был.

— Мне очень жаль, Дерв. Если бы я не опоздал на построение... — нервно дёрнул косу Трезан.

— То мог бы погибнуть сам. Ты не виноват, — пробормотал Дервин, и только потом понял, что именно подразумевал принц. — Думаешь, это покушение?

— Думаю, да, — ответил Трезан, а Зоур и Леввек синхронно кивнули. — Я уеду во дворец, расскажу отцу. Пусть пришлёт следователей в подмогу.

Мысли Дервина были слишком запутанными и нестройными, но он всё же сказал:

— Не знаю, мне показалось, что неисправность техническая.

— Если бы я решил устранить особу императорской крови, именно так и попытался бы обставить покушение, — жёстко отрезал Трезан. — Я могу для тебя что-то сделать?

— Да. Отнесите меня в туалет, — шёпотом попросил Дервин, к которому постепенно возвращались ощущения. — Иначе я сейчас лопну.

Принц скомандовал:

— Парни, помогите мне отнести Дерва в ванную комнату.

— Не надо его никуда носить! Для таких целей есть больничная утка, — звонко возразила Лиора, и от одной мысли, что она будет подносить ему утку, у Дервина вскипела кровь.

— Даже если я буду при смерти, я не позволю вам, нобларина Боллар, подносить мне утку, — уверенно заявил он и добавил: — Это не обсуждается.

Кто вообще начал брать женщин на работу в военных частях? Это же стыдоба — мало того, что она маленькая и хрупкая, так ещё и вынуждена таскать тяжести, терпеть грубиянские шуточки и иметь дело с телесными жидкостями.

В общем, Леввек принял удар Лиориного возмущения на себя, а принц с Зоуром оперативно подхватили Дервина вместе с простынёй, отволокли в ванную, срезали с него остатки одежды и кое-как усадили на унитаз. Когда Дервин закончил облегчаться, Зоур посмотрел на него с сомнением:

— Надо бы его ополоснуть, что ли? Завоняется же. Уже потом разит, не хватало ещё вони от мочи...

Дервин вспыхнул так, словно ему в кровь насыпали жгучего перца. Простодушный Кенвер Зоур всегда говорил, что думал, и хотя друзья ценили его прямооту, иногда полное отсутствие такта ставило аристократов в тупик.

— Так-то да... — неловко кашлянул Трезан. — Запашок есть.

Все трое напряжённо смотрели друг на друга.

Трезан огляделся и заметил стоящее возле раковины ведро воды.

— Вонять перед Лиорой я не хочу, — наконец признал Дервин.

— Тогда руки-ноги в стороны! — скомандовал принц, подхватил ведро и начал лить прямо на сидящего на унитазе Дервина.

— Полегче нельзя? — отплёвывался тот, но руки вытянул вверх, а ноги развёл как можно шире, чувствуя как до предела напрягаются мышцы бёдер под лангетами.

Лиоре это однозначно не понравилось бы. Он же ничего не повредит? Дервин напрягал лишь квадрицепсы, а они не пострадали в крушении. Места, с которых Лиора полосками срезала кожу, вроде не беспокоили...

— Вот так-то лучше! — Зоур сорвал с крючка полотенце, смочил в остатках воды из ведра и протёр друга ещё и им.

Холодного, мокрого, но зато чистого Дервина завернули в простыню и внесли обратно в приёмную медблока, после чего раздракленная до последнего предела целительница заставила друзей уложить его на больничную койку и выгнала.

Дервин ужасно стыдился того, что одежды на нём не осталось, а Лиора — девушка, причём девушка красивая, благородного происхождения и, как выяснилось, очень чуткая и порядочная. Смущать её голым видом отчаянно не хотелось, но руки были перебинтованы и толком не слушались, поэтому когда она накрыла его двумя одеялами и с неожиданной силой вытащила из-под него влажную простыню, он мог лишь пробормотать:

— Спасибо.

Лиора убедилась, что лангеты хорошо фиксируют ноги, заботливо обтёрла уголком простыни его лицо, шею и плечи.

— Зачем они тебя намочили?

Дервин почувствовал, как пунцовеет ещё сильнее, и выдавил:

— Из лучших побуждений.

— Я на них всех докладную напишу! За то, что облили холодной водой моего пациента. А если ты теперь простуду подхватишь? — воинственно спросила она.

— Они просто решили, что от меня дурно пахнет. Если так подумать, то последний раз я мылся ещё вчера, а когда заклинило штурвал, то и правда дико вспотел от нервов, — он посмотрел на Лиору умоляюще: — Не надо докладных, пожалуйста. Я прослежу за тем, чтобы они извинились. Иначе их могут отстранить от полётов.

— Может, оно и к лучшему! В медблоке главная — целительница! — обиженно насупилась Лиора, и он невольно улыбнулся, потому что она стала похожа на маленькую нахохлившуюся птичку.

Вот как объяснить ей, что никто не хотел проявить пренебрежение? Просто для парня вот так взять и сходить при красивой девушке в утку — это полное крушение самоуважения, и друзья это прекрасно осознавали.

Однако он также понимал, почему Лиора расстроена, и поэтому пошёл на мировую:

— Ты права: в медблоке главная — целительница. Я приношу искренние извинения за их и особенно своё поведение. Обязательно проведу с ними воспитательную беседу. Особенно с Леввек ом. Может, даже пинка отвешу. Если получится.

— Пинка можно левой, — подумав, разрешила Лиора. — Но лучше возьми палку. Или, вон, поддон медицинский. Он металлический и ещё звенит так весело, если кому-то по голове стукнуть, — со знанием дела добавила она и лукаво подмигнула.

Чувство вины в этот момент стало удушающим. Настолько острым и непереносимо сильным, что Дервин задохнулся и снова ощутил, будто в кровь ему добавили жгучего перца — от стыда опять горела кожа на лице, шее и даже плечах.

— Почему всё-таки? Почему ты мне помогла? Почему не ампутировала ногу? Это порадовало бы твоего брата.

Очаровательная игривая улыбка тут же потухла, Лиора посмотрела Дервину прямо в душу и ответила:

— Потому что я считаю неправильным наказывать детей за проступки отцов, и если бы я выместила свою горечь на тебе, то была бы ничем не лучше твоей матери. Я понимаю, что наш отец сильно её обидел, но не понимаю, почему она наказала за это нас. Именно по этой причине я приложу все силы, чтобы через пару ночей ты ушёл отсюда на своих двоих. Кроме того, я служу в эскадрилье и обязана лечить всех. По уставу обязана.

Чувство стыда и вины — и без того невыносимое — теперь раздирало и жгло так, будто Лиора словами расстреляла его в упор, а раны потом залила кислотой.

И то, что хрупкая девчонка рискнула жизнью, чтобы его спасти, придавало какой-то особенно гадкий привкус всей этой ситуации. Он чувствовал себя сволочью за то, что из-за его матери она вообще вынуждена считать копейки, заниматься этой тяжёлой работой и торчать в части вместо того, чтобы выйти замуж, декорировать дом, ждать первенца или чем ещё занимаются нобларины её возраста?

— Но по уставу ты не обязана была вытаскивать меня из маголёта, — он попытался сесть, чтобы их лица оказались на одном уровне, но одеяло мешало, и он замешкался, выбираясь из него.

— Лучше лежи, — Лиора положила прохладную ладошку на его оголившуюся грудь.

Ощущение прикосновения обожгло яркостью, Дервин снова замешкался и поддался.

— Ты не обязана была...

— В тот момент я не думала, обязана я или нет, просто очень сильно испугалась и хотела помочь. Я бы помогла любому, Дервин. А тебе не стоит нервничать.

Он хотел поблагодарить и показать, насколько ценит её благородство, но она приложила холодные пальчики к его губам, и он замер, сражённый интенсивностью этого ощущения. Видимо, с головой у него действительно было плохо, потому что Лиора теперь казалась ему сияющим источником жизни и правильности, спорить с которым было бы кошунственно.

Она коснулась его щеки, вырисовывая усыпляющее заклинание, и от этой случайной ласки закружилась голова, а потом он задышал глубже и реже, не в силах сопротивляться целительской магии.

— Вот так. Теперь спи, — прозвучал её голос в темноте, потому что веки Дервина уже закрылись, а сам он мягко погружался в наведённый сон.

Глава 4

Тридцатое октября. После заката Бреур Боллар

Брен Боллар не помнил, когда у него последний раз случался выходной. Если не считать дни, в течение которых он отлёживался после избиения Ирвеном Блайнером, то... три года назад в Длинную Ночь?

Помнится, сёстры тогда напекли сладких пирогов и сделали ароматные домашние свечи. Они погасили свет во всём доме, зажгли эти свечи и играли в угадайку всю ночь до самого рассвета. Младшим близняшкам Лире и Уне тогда было по пятнадцать, и они только начали помогать ему в семейной клинике. До того как подпустить их к живым людям, он несколько месяцев гонял их по теории, а Гвендолина устраивала им потешные экзамены, где половина вопросов в билетах была серьёзная, а половина — смешная. Например, «Назовите самые вкусные конфеты и приведите этому медицинское обоснование». Сёстры обожали эти вопросы и иной раз спорили с таким жаром, что даже ссорились.

А теперь... теперь Лины больше нет, и после её гибели вся семья начала распадаться на куски, словно именно Лина была тем клеем, который после смерти родителей хоть как-то держал их воедино. Теперь Кайра и Адель предпочли выйти замуж за Блайнеров — Брен не понимал их и не мог смириться.

Он ничего не мог.

Не мог снять проклятие с себя или сестёр, не мог заработать достаточно денег для покрытия всех расходов, не мог гарантировать, что через год-два их дом не продадут с молотка из-за долгов, не мог защитить семью от нападков, не мог добиться справедливости от императора и даже не мог убедить его освободить Болларов от непомерного налога на безбрачие.

Бессилие разъедало изнутри.

В итоге получалось, что Моэра Блайнер прокляла их, не понеся за это практически никакого наказания, кроме нелепого домашнего ареста в шикарном поместье в окружении слуг, а его сёстры проглотили гордость и взяли фамилию той, по чьей вине погибли их родители и по чьей вине они все оказались на обочине жизни.

А Брен... ничего не мог изменить.

Не имело значения, насколько он старался и сколько работал — все его усилия не стоили ровным счётом ничего.

Дом заложен, и хотя с большей частью долгов удалось расплатиться благодаря продаже семейной клиники, этого всё равно было слишком мало. Эвелина, ведущая бухгалтерию семьи, говорила ему искать утешение в том, что деньги Блайнеров идут на оплату их долгов, но Брен даже этого не мог.

Возможно, дело в том, что он считал сестёр слишком красивыми и хорошими, чтобы доставаться Блайнерам, а возможно — в том, что завидовал им.

От него самого женщины шарахались, как от больного торжесской лихорадкой, несмотря на титул нобларда и сильнейший дар. Печать проклятия, лежавшая на остатке их рода, отпугивала даже тех, кто обычно был неразборчив в связях. От Брена держались подальше даже шлюховатые вдовушки: видимо, всерьёз боялись подхватить проклятье половым путём. Да, оно гласило, что в течении суток после бракосочетания погибнет его супруга, а не случайная подружка, но женщины обычно не склонны рисковать, особенно ради нищих, не способных завести семью мужчин.

В случайно выдавшийся свободный вечер Брен собирался купить небольшие подарки. Да, до Длинной Ночи — самого важного для полуночников праздника года — ещё два месяца,

но он всегда старался подготовиться к ней заранее. Скоро цены взлетят вверх, а в октябре ещё есть шанс найти скидки и выгодные предложения.

Он с трудом отыскал место и припарковал старенький, обшарпанный мобиль подальше от торговой площади, в глухой тупиковой улочке. Лишь бы не платить за стоянку. Вылез из тёплого салона в морозную свежесть вечера, вдохнул бодряще холодный воздух полной грудью. Зима в этом году наступила стремительно — ещё пару дней назад стояла тёплая осень, а сегодня улицы и дома укрывал снег. Или это из-за работы ему казалось, что сезоны сменяются с пугающей скоростью?

Позади него, прямо на въезда в тупик, остановился другой мобиль, и Брен настороженно осмотрел его. Он понимал, что, вероятнее всего, это не имеет к нему отношения, но всё же напрягся.

Запер свой мобиль, поднял повыше массивный меховой воротник, засунул руки в карманы потёртой дублёнки, принадлежащей ещё деду, и перешёл на противоположную сторону улицы, чтобы не идти мимо трёх незнакомцев, выходящих из мобиля.

Последние недели Брен старался не выезжать за пределы гарнизона — опасался участвовавших покушений. Он остался последним из Болларов и по праву рождения занимал вождь-ленное место в Синклите — совете императора, куда входят тридцать шесть самых влиятельных аристократических родов. Место, о котором мечтали многие и за которое готовы были бороться самыми грязными способами.

Жизнь давно вылечила Брена от излишней доверчивости или беспечности. И хотя её лекарство страшно горчило, он всё же был за него благодарен. Если он позволит себя убить, то кто позаботится о его сёстрах?

Его взгляд зацепился за бампер магомобиля. Пустой бампер без номерного знака.

Именно из-за этого он настороженно всмотрелся три крепкие мужские фигуры. По виду все трое незнакомцев — бандиты-полукровки. Смугловатые и чернявые, как полуденники, однако у каждого на виске светится магическая печать, как у полуночников.

К счастью, на Брена они не обращали особого внимания, и он сделал несколько шагов по нетронутому снегу, слыша, как тот приятно скрипит под подошвами.

— Давай, вынимай его! — скомандовал водитель мобиля без номеров. — Подкинем на порог клиники и уедем. Не оставят же его без помощи... Денег только в карманы напихай.

— Нужен надёжный целитель, который не станет болтать!

Оказалось, что в мобиле сидел четвёртый пассажир, которого Брен поначалу не заметил. Его лицо было разбито, а светлая куртка пропиталась кровью.

Брен замер на тротуаре.

— Да скорее ты, иначе он копыта отбросит прямо тут! — злился водитель.

— Не отбросит, там рана пустяковая, просто кровит сильно, — рыкнул в ответ подельник. — Тут клиника за углом, ничего ему не сделается!

Клиника действительно располагалась поблизости. Не совсем за углом, но шагах в трёх-стах от тупичка. Брен шагнул к полукровкам и спросил:

— Что случилось?

— Двигай мимо, — огрызнулся водитель. — Тут целитель нужен.

— Я — целитель, — спокойно ответил Брен, пытаясь в деталях разглядеть раненого, но трое других амбалов загораживали вид. — И за небольшую плату я гарантирую конфиденциальность. Если рана действительно пустяковая, то мы можем разобраться на месте.

Деньги нужны всегда, особенно в преддверии праздничного сезона. Да и не мог Брен пройти мимо раненого: вдруг эти олухи действительно не донесут своего приятеля до клиники, и он подохнет из-за их нерасторопности?

Троица переглянулась, а водитель достал из кармана кошель с арчантами и бросил его Брену. Их разделяло около пяти шагов, поэтому поймать тугой, тяжёлый кошель не составило труда. И только после этого Брен наконец расслабился и шагнул к полукровкам:

— Разойдитесь в стороны.

Больной дышал с хрипами, и в первую секунду Брену подумалось, что задето лёгкое. Он подошёл ближе, и пришлось наклониться, чтобы дотянуться до откинувшегося на заднем сиденье раненого.

И ровно в этот момент Брену в основание черепа прилетел удар.

Он сам не понял, как увернулся — тяжёлое мачете не перерубило шею, а увязло в воротнике плотной дублёнки и не ранило, хотя немного оглушило. «Раненый» резким движением вогнал нож Брену в бок.

Его поймали в ловушку!

Он ощутил, как лезвие входит в живот, но успел сдвинуться чуть в сторону, чтобы оно не вспоролو кишки. Перехватил руку бандита и единым махом всосал в себя всю его силу, тут же пуская её на исцеление. Затем Брен нырнул в салон мобиля, получив рубящий удар по ногам. Зато теперь его не могли атаковать сразу трое. В одного он успел швырнуть параличом, и тот мешком повалился на снег.

Труп мешал, в тесном салоне не хватало места, чтобы развернуться. Брен забрался глубже, упал на сиденье так, чтобы оказаться подальше от водилы с мачете, а затем здоровой ногой пихнул мёртвое тело, чтобы то заблокировало доступ в салон. Правда, третий подельник уже оббегал мобиль, чтобы атаковать с другой стороны.

Брен швырнул магией и в него, но сгусток вцепился в заднюю стойку и световыми каплями рассыпался по салону.

Водила выдернул труп из мобиля, а потом рубанул мачете ещё раз, наудачу. Дикая боль пронзила ногу Брена, а затем её дёрнуло. Мачете застряло в кости, и хозяин пытался вытащить его обратно. Боль туманила разум. Брен кинул во врага паралич, но снова промахнулся. Вторая задняя дверца распахнулась, и из неё показалось дуло. Выстрел оглушил и пришёлся почти в упор, едва удалось прикрыть голову рукой. Плечо захлестнула новая волна боли — на этот раз жгучей.

Брен почувствовал себя загнанным зверем. Дикая, первобытная злость вскипела и потребовала расплаты.

Крови! Мести! Смерти!

Он протянул раненую руку к стрелявшему, но достать не смог, а затем сделал то, чего никогда не умел — втянул в себя чужую энергию с расстояния. Маги жизни умели не только напитывать силой жизни, но и забирать её. Однако последнее было большим секретом, о котором знали лишь избранные. Полукровка с револьвером к таким не относился. Он удивлённо моргнул, ещё не понимая, что уже мёртв, а потом плавно завалился на бок.

Со стороны водилы в скулу Брену прилетел сгусток магии, на мгновение ослепил и вёлся в кожу, оставляя ожог.

Но чужая сила уже бурлила в Брене, и он расхохотался. Вскинул руку и заворуженно наблюдал, как от полукровки потянулась светлая струйка, а его лицо побледнело, сделавшись серо-коричневым. Он попытался отпрянуть и бежать, но... но Брен держал его на странной привязи, не позволяя пошевелиться.

Не просто струйка жизненной сил, нет! Это был поводок.

Водила затрясся и захрипел, Брен даже подумал остановиться, чтобы допросить его, но не успел. Тот замертво упал на свежий снег.

Внезапно всё прекратилось.

Стало необыкновенно тихо и даже мирно.

Со стороны аллеи доносился шум едущих мимо мобильных, нарушая неожиданно безмятежный покой небольшого тупичка.

Брен посмотрел на свою ногу, остановил кровь и попробовал вытащить мачете. Оно застряло намертво, и каждая попытка его выдернуть отдавалась в теле глухой болью, несмотря на заклинание. Ещё же и нож в боку! Он вспомнил про него, лишь согнувшись. Выдернул сначала его, залечил рану — благо силы в нём плескалось столько, что хватило бы на десяток сложнейших операций. Пострадали лишь мышцы и брюшная стенка, и он срастил порез без особых проблем, а потом вернулся к ноге.

— Вот твари, чтоб вас всех сожрали чумные драконы, — выругался Брен, когда мачете зацепилось за сиденье ручкой.

Пришлось раскачивать его, чтобы наконец вынуть, ещё и руки в крови и скользят — ни кантрада не выходит ухватиться за ручку удобным образом.

Когда мачете наконец удалось вытащить, Брен дохромал до своего мобиля, достал цельный чемоданчик, который всегда возил с собой, а затем скальпелем вспорол брючину и сшил рану, сращивая мышечные волокна заклинаниями. К счастью, кость не сломалась — они у Брена крепкие, он специально усиливал их магией. Зарубка, конечно, осталась, но и с ней удалось справиться довольно быстро.

Двадцать минут спустя Брен стоял на обеих ногах.

Белый снег был залит кровью — в основном его. Он напился воды, умылся, осмотрел себя и понял, что любой торговец при виде него скорее вызовет дознавателя, чем сделает скидку.

Сходил, называется, за подарками!

Выругавшись, Брен осмотрел тела.

Трое — трупы без шансов на воскрешение, а четвёртый в глубоком параличе.

Совесть не позволяла добить незащитного, да и хорошо бы его допросить...

Вот только злость так и бурлила в крови, а внутренний голос нашёптывал: «Добей эту мразь! Он наверняка ничего не знает, главарём явно был водитель. Выпей его дух до дна! Насладись своим могуществом! Ты имеешь право! Ты всего лишь защищался... Они напали первыми. Они сами виноваты!».

Щёку пекло от ожога, а голова всё ещё звенела от удара — кажется, сместились позвонки. Брен осторожно повернул её вправо и влево, а потом постарался расслабить мышцы шеи, сжал ладонями голову и вправил.

Стало легче. Следом он занялся ожогом на лице и пулей в плече. Последняя прошла дублёрку насквозь, и рана получилась грязная: с осколками металла, с ворсом, с ошмётками ткани медицинского халата, поверх которого он надел дублёрку.

Пришлось вычищать и зашивать. Хорошо хоть мороз был не сильный.

Самое удивительное, что за прошедшее время в тупичок так никто и не сунулся...

Или напавшие успели кинуть какое-то заклинание?

Разобравшись со своими ранами, Брен подошёл к валяющимся на снегу полукровкам. Дар говорил о том, что они мертвы, но он всё же захотел получить тому ещё одно подтверждение. Не столько не доверял себе, сколько удивлялся новой способности. Проверил их глазные яблоки самым простым и действенным методом: сдавил, наблюдая как сплющивается зрачок. Так называемый «кошачий глаз» является самым первым достоверным признаком смерти. Жив был только один.

— Недоумки, — пнул он бездыханное тело. — Убить целителя Высшего порядка не так просто.

Он занялся трупами — обыскал, забрал все деньги и сложил в бардачок своего мобиля. Можно считать это компенсацией за испорченные вещи и настроение.

Новое умение, проснувшееся внезапно, очень хотелось опробовать снова.

Брен всегда считал, что целитель может воздействовать на человека лишь прикосновением, но потом Кайра изобрела летучий паралич, а теперь... Он вспомнил поводок из силы, через который вытягивал жизненную энергию из водителя.

Это же невероятно! Это переворачивает все его представления о способностях магов жизни.

Хотелось провести эксперименты: узнать, на каком расстоянии это работает, как влияет на тело подопытного, можно ли только высасывать силу таким образом или передавать тоже? И могут ли так делать сёстры, или нужен дар Высшего порядка?

Столько вопросов!

В нём проснулось любопытство исследователя, немного разбавив злость. Та никак не уходила, становясь всё сильнее с каждой минутой, ведь теперь с трупами требуется что-то делать, а ему через несколько часов нужно забрать Уну и ехать на врачебный симпозиум, который начинался в полночь. Мало того! Теперь ещё нужно заскочить домой, переодеться и искупаться, не может же он отправиться на формальное мероприятие весь в рванине и залитый кровью?

Нет, понятно, что покушения никогда не случаются вовремя, однако сегодня оно взбесило особенно сильно. Или задело то, что наёмники смогли подловить его сразу на двух слабостях — неспособности пройти мимо раненого и нужде в деньгах?

Расчёт ведь был хорош. Брен сразу опознал в троице бандитов, и не подпустил бы их к себе, если бы не разыгранная сценка. Он даже специально проверил напоследок: раненый вовсе не был раненым, а кровь на нём, вероятно, даже не человеческая, хотя выяснять это уже нет смысла.

Значит, эти господа изучили все прошлые попытки покушений или же просто проявили изобретательность. Целитель действительно максимально беззащитен именно в тот момент, когда наклоняется к пациенту, чтобы оказать помощь.

И что теперь делать с телами? Особенно — с ещё живым?

Объяснения у дознавателей займут всю ночь, а у него кантрадов симпозиум через пять часов!

Решение — изящное, мстительное и удивительно прекрасное в своей простоте — пришло неожиданно.

Брен ухмыльнулся, протирая лицо чистым снегом.

Пожалуй, именно так он и поступит.

Глава 5

Тридцать первое октября. После полудня Лиора Боллар

Поспать, к сожалению, пока не удалось.

Я ужасно боялась возможного тромбоза, поэтому проверяла состояние пациента каждый час — и не напрасно. Несколько раз отлавливала в кровотоке нехорошие сгустки, способные закупорить крупные сосуды, и даже под воздействием магии они рассасывались крайне неохотно. Возможно, дело было в том, что я устала, а возможно — в том, что магом Дервин был слишком сильным, и чем меньше у меня оставалось сил, тем заметнее становился его собственный магический фон.

Слабые целители вообще не могут лечить сильных магов — собственная магия пациента «фонит» нещадно. У меня такой проблемы никогда не возникало, потому что порядок моего дара — третий на границе со вторым, чего хватает даже для лечения магов Высшей категории, коих крайне немного. Однако я начала подозревать, что Дервин относится именно к их числу. Особого значения это не имело, скорее было просто любопытно.

Помимо имеющегося риска тромбоза, у моего пациента слегка поднялась температура. Пока не критично, но приходилось следить, чтобы он не впал в лихорадку.

То, что друзья его искупали, злило ужасно.

И ладно норт и Зоур — какой с них спрос? Но принц! Принц-то соображал, что делает?! Подумаешь, запах пота! Ни одну женщину, хоть на сто метров приближавшуюся к мужской казарме, им не удивишь. Кроме того, речь же не шла о застарелом запахе немытого тела... Да и вообще, кто нюхает вернувшихся с задания пилотов, тот сам себе обонятельный враг.

Я периодически клала руку на тёплый лоб Дервина и каждый раз отмечала про себя, какие правильные и мужественные у него черты лица. Родовая печать Местров уверенно светилась на левом виске, и я зачем-то провела по ней подушечками пальцев. Чем ярче печать, тем сильнее маг. Видимо, у Дервина всё же Высший порядок дара. Если так подумать, он гораздо привлекательнее своего старшего кузена, командора Кеммера Блайнера.

Поймав себя на этой мысли, осеклась и сразу же отдернула руку. Если бы брат о подобном узнал, мне от него влетело бы от полнолуния и до полнопопия. А ведь как-то ещё придётся ему объяснять, почему я долго и упорно боролась за ногу Местра.

Спать хотелось ужасно, а от недосыпа я всегда становилась даже более рассеянной и дёрганной, чем обычно, — всё время казалось, будто что-то забыла или перепутала. Но оставить Дервина без присмотра в настолько критический момент — сродни злонамеренной халатности, ведь риск осложнений после такой операции куда выше, чем после ампутации. Одно хорошо: судя по диагностическим заклинаниям, заживало всё неплохо, и вечером можно будет снять дренаж.

Всё же магия жизни, смешанная с целительским даром, — штука убойная. Даже очень сильно стремящимся на встречу с Гестой пациентам приходится задерживаться на этом свете.

Если бы не приход Валентайна, день шёл бы не так плохо.

— Командор только что приехал, устроил разборки. Пытается выяснить, кто из механиков дебил, — продребезжал он. — Учитывая, что из полуночников дебил каждый второй, а из полуденников — каждый первый, то работы ему предстоит много, — ехидно закончил жрец.

— М-м, — неопределённо отозвалась я, не желая ввязываться в дискуссию о чужих умственных способностях.

В поисках дебилов среди окружающих всегда велик риск выйти на себя.

— Потолок над столовой в труху. Всю ночь маголёт снимали, сейчас крышу чинят. Питание будут пока завозить из соседней части. Так что ты супчика молочного сготовь, — распорядился Валентайн. — Не с голода же нам тут помирать. А то плита есть только у тебя.

Запасная плита наверняка была ещё и у интенданта Лейна, всё же заведующий хозяйством хранил на складе замену практически для всего, что имелось в эскадрилье. Вот только готовить жрецу он не станет ни за какие коврижки, и Валентайн это прекрасно понимал. На интенданта Лейна где сядешь, там и слезешь, а потом ещё отчёт об этом напишешь. Это я на своей шкуре проверила, когда потеряла ключ.

— Я мяска приволок. Взял хорошей вырезки, пока эти остолопы её не испортили, так что сделай заодно котлеток рубленых, только мяконьких. Скальпели у тебя острые, вот и сгодится на что твой хирургический талант, — не унимался жрец и смотрел на меня выжидательно, с эдакой хитрецей.

Кажется, нарочно провоцировал.

— Ваша праведность, мне сейчас не до этого, — зевнула я.

— И чем же ты это таким занята? — радостно взвился жрец, наконец получив ответ. — Пациент-то у тебя выжил, несмотря на все твои усилия, — добавил он с предвкушением.

Ясно. Не хватает старику эмоций и внимания. Небось, сейчас сначала меня выведет, а потом Унке нажалуется, что я его голодом морила и хамила в процессе. А сестра его пожалеет. Вслух, может, ничего и не скажет, но смотреть будет так, что у меня от этого случится несварение.

— Бульон могу приготовить.

— Из вырезки? Совсем девка ошалела! — справедливо возмутился он. — Хотя рёбрышки я тоже прихватил. Ты сумку-то разбери...

Огромный баул с продуктами лишний раз подтверждал, что здоровье у старика Валентайна очень даже не слабое. С другой стороны — я вот на панике рослого Дервина из маголёта вытащила, а у жреца просто паника была голодная. Он тоже спасал жизнь — свою. Боролся с угрозой смерти от истощения.

Так как подремать хотя бы полчасика мне теперь никто бы не дал, поднялась и пошла в приёмную, где недалеко от окна стояла плитка для варки зелий. В одном Валентайн прав: нам повезло, что хотя бы питание сами себе можем организовать.

Главное — сдержаться и не поддаться на стариковские провокации, пока не вернётся Уна!

Разобрала добычу жреца, отправила в холодильный ларь то, что влезло, кое-что выставила замораживаться за окно. К счастью, после первого нападения кантрадов в этом году часть оснастили особыми ударопрочными стёклами, так что от взрыва они не пострадали.

Мяса Валентайн набрал столько, что хватило бы недели на три, а если приплюсовать к баулу ещё и наши с сёстрами запасы, то и на четыре. Стоило Адели забеременеть, как есть она начала за троих — вот поэтому предназначенная совсем для другого плитка в приёмной без дела не простаивала. И не простаивать ей ещё долго: Адель, как могла, растягивала беременность, помогая себе даром, потому что не готова была оставить нас и мужа без присмотра и очень ответственно относилась к обязанностям гарцеля.

Командор вроде и возражал, но так — скорее для галочки. Сестру он обожал так сильно и явно, что долго без неё не продержался бы, поэтому, как он вообще собирался отпускать её от себя, было для меня загадкой.

Ну да ладно, это их дела.

Поставила на плиту кастрюльку с водой, достала овощи, выбрала те, что хорошо развариваются, тщательно помыла, почистила, нашинковала и кинула в воду. Добавила специи, а потом занялась рёбрышками. Нарезала кусочки мяса с косточками — для нас с Дервином и Аделью,

а также тончайшие полосочки — для Валентайна. После воздействовала на них магией, чтобы размягчить волокна.

Думала, пока режу, вода как раз закипит, но оказалось, что включить плиту я забыла. Вот кантрадова память!

Пока на среднем огне варился суп, решила сделать рагу из вырезки. Если тушить достаточно долго, то даже Валентайну такое будет по зубам. Нарезала мясо некрупными кубиками, посолила и поперчила, отправила томиться на слабом огне.

— Лира? — раздался встревоженный голос старшей сестры. — Ты как?

Адель влетела в медблок, взволнованная и слегка растрёпанная, в расстёгнутом полублузке поверх красивого платья.

— Всё в порядке, — обернулась я к ней. — Можешь проверить Местра сама.

Сестра проследовала в палату, вырисовала диагностическое заклинание на щеке спящего пациента, убедилась, что сиюминутная гибель ему не грозит, и заметно успокоилась, а затем нахмурилась:

— Так... Что ты тут наворотила?

Я объяснила. Адель покивала, но ничего сказать не успела. В кабинет вошёл импозантный усатый мужчина лет сорока пяти. Личный врач императора Пеннара Первого. Принц слов на ветер не бросал, поэтому главный целитель страны пожаловал на порог.

А я тут суп варю...

— Приветствую, прекрасные нобларины. Коф Асавид к вашим услугам.

— Лунного дня, — сконфуженно пожелала я.

Поняла, что сморозила глупость и окончательно смутилась.

Адель улыбнулась, пытаясь превратить мою неловкость в любезность:

— Пусть наши дни будут столь же лунны, как ночи.

Вышло так себе, и импозантный господин слегка приподнял густую бровь.

— Позвольте представиться: гарцель Аделина Блайнер, это моя младшая сестра Лиора Боллар, капрал медицинской службы. Проходите за мной.

Целитель последовал за сестрой, и я поплелась за ними с половником в руке.

Первое, что сделал ноблард Асавид — взял и разбудил пациента, с чем я была категорически не согласна, однако никто моего мнения спрашивать не собирался.

— Как самочувствие, Дервин? — строго спросил главный целитель страны, и мой пациент недовольно сощурился и заморгал, отгоняя сон. — Ну-ка, рассказывай, что с тобой произошло.

Всё внутри сжалось от стыда. Разумеется, я не собиралась скрывать от сестёр свою ошибку, но одно дело опозориться перед ними — скажем честно, далеко не в первый раз. И совсем иное — перед важным гостем, ещё и дворцовым завсегдатаем, среди которых сплетни о Болларах — практически правило хорошего тона.

Скоро всё сообщество врачей узнает, что я оперирую «наживую».

И ведь не скажешь Дервину молчать.

Зачем его вообще разбудили?

Пациент наконец нашёл взглядом меня, стоящую позади всех, и после этого снова посмотрел на целителя, с которым явно был хорошо знаком.

— Дай-ка угадаю, нога правая? — насмешливо спросил тот, а затем обернулся к нам: — Она у Дервина явно лишняя. Вот здесь он стопу арбалетным болтом прострелил, — ноблард Асавид откинул край одеяла и показал на круглый шрам на плюсне. — Прямо в паркет болт вогнал, через ногу. Так орал, что я аж бегом бежал. Думал — всё. Не жилец пацан.

— Мне было десять, и это был большой болт. Я просто не удержал арбалет, — сдавленно кашлянув, пояснил Дервин, и я изо всех сил ему посочувствовала.

Кажется, ставить в неловкое положение нас сегодня будут по очереди.

— Потом вы с дерева прыгали и ломали пятки... потом на тренировке тебе в бедро вогнали нож по самую рукоятку, потом ты ошпарил эту ногу, уронив на себя целый соусник с густым, практически кипящим соусом... Мы с ассистентом даже немного поспорили — лечить или просто слегка дожарить. Пахло очень вкусно! — хохотнул ноблард Асавид, а я закатила глаза.

Всё равно меня видел только Дервин, и на секунду уголки его губ дрогнули.

— На этот раз ноблард Местр ни при чём. Авария произошла не по его вине, — вступилась я за пациента.

Асавид хмыкнул:

— Вот уж чудные времена настали: Боллары начали оправдывать Местров.

Мне стало настолько тошно, что захотелось уйти, остановил лишь поддерживающий взгляд сестры.

Приглашённый целитель наконец приступил к тому, зачем его позвали. К осмотру. Надо же, не прошло и недели! Он вообще в курсе, что рассказывать медицинскую историю пациента посторонним — неэтично?!

Хотя ладно, зря я сержусь. Возможно, он считает, что у нас тут консилиум.

— Дервин, как ты себя чувствуешь? Как всё прошло?

— Штатно, я предполагаю, — отозвался Местр.

Закладывать меня он не стал, и я облегчённо выдохнула.

Хотя-я-я... Зря опасалась, наверное. Вряд ли он стал бы ябедничать — всё же не производил впечатления подлого, неблагодарного или недальновидного человека. Самая большая глупость, которую только может сделать пациент, — это настроить врача против себя. Да и среди курсантов жалобщики уважением не пользуются.

Асавид осматривал Дервина долго и настолько вдумчиво, что я простила ему бестактность. Снял лангеты, размотал бинты, проверил дренаж, удовлетворённо поцокал и наконец кивнул мне:

— Прекрасная работа... Чего у Болларов не отнять, так это того, что вы — первоклассные хирурги. Примите моё почтение, юное дарование. Сам я в вашем возрасте и близко не был способен на подобное. Вот что значит домашнее обучение в знающей семье. Тут после академии-то не всякий с такой задачей справится, а вы сама... без профильного образования, без помощи наставника, в стрессовой ситуации... ну чистый восторг!

Щёки залило румянцем, когда я представила, насколько изменится его риторика, стоит Асавиду выяснить правду. Вот только Дервин по-прежнему молчал. Я скосила глаза на жреца, ожидая, что уж он-то не упустит случая меня пристыдить, однако тот лишь подмигнул мне в ответ.

Ошарашенная, я так и стояла, пока из приёмной не раздалось обиженное шипение.

Суп! Я забыла про суп!

Кинулась к нему, подхватила с плиты и убавила огонь, мысленно обругав себя. Ведь у меня в руках всё это время был половник! Как можно забыть о супе, пока держишь в руках половник?!

— Можете перевязывать, — распорядился императорский целитель так, словно в кабинете гарцеля главным был он, а не Адель. — Прекрасная работа, просто прекрасная! Дервин, повезло тебе! Поверь, много кто ногу тебе просто отчекрыжил бы — и дело с концом. Ладно, лежи выздоравливай. Ты бы видел Трезана, он меня из дворца едва ли не силой выпихнул, я второпях аж чемоданчик в кабинете забыл! А тебе тут полный спектр заботы, даже, вон, суп варит лично нобларина Боллар.

— У нас столовую повредило взрывом, — пояснила Адель. — Сестра всего лишь проявляет заботу о пациенте.

— Так я разве спорю? Я ж хвалю! Ваш брат, говорят, тоже отличный хирург. Ну, неудивительно... Династия. Отец ваш, между прочим, тоже был первоклассным хирургом. Характер, правда, у него был говнистый...

— С первоклассными хирургами такое часто бывает, — нарочито ласково ответила Адель, и я едва сдержалась, чтобы не хрюкнуть.

Ноблард Асавид не считал сарказма, а я прекрасно знала сестру, поэтому поняла, что шпилька была адресована ему.

Наконец он попрощался и ушёл. Пока я вытирала плиту и перемешивала суп, Адель перебинтовала ногу Дервина, а затем подошла ко мне:

— Ты в порядке?

— Да. Только я должна тебе одну вещь сказать... — я глубоко вздохнула, набираясь смелости, но жрец не дал признаться.

Громко закричал и проворчал преувеличенно громко:

— Лирка, что ты там столько времени варишь? Суп али холодец? У меня уже кишки к рёбрам прилипли столько ждать!

— Ждите ещё полчаса как минимум, — огрызнулась я. — Тут вам не столовая.

— Эт я и без тебя вижу! Небось, в столовой-то суп из кастрюли не сбегает! — не остался в долгу он.

— Я пойду к Кеммеру. Он очень расстроен из-за случившегося, — сказала сестра.

— Иди, конечно. Приходи потом, я тебя супом накормлю. Усыпи только нобларда Местра, пожалуйста. У меня руки грязные.

— Не надо меня усыплять, — тут же запротестовал тот. — Лучше пригласите командора и главного механика, мне нужно с ними переговорить.

Адель ушла, а я закрыла суп крышкой и вернулась к пациенту. Выглядел он и правда лучше, чем вчера. Я на всякий случай проверила его кровоток. Всё было в порядке.

— Спасибо... — тихо проговорила я.

— Даже не стоит упоминания, — в тон мне отозвался он.

Когда суп наконец доварился, я налила порцию для Дервина и оставила остужаться, а вторую тарелку отнесла жрецу. Поставила на свой рабочий стол и даже стул пододвинула.

Может, поест и уйдёт?

Когда Валеинтайн уселся и принялся шумно хлебать бульон, я спросила:

— Отчего же вы промолчали? Могли рассказать почётному гостю о моём промахе.

— Вот ещё, — фыркнул Валентайн. — Он в нашей части вообще кто? Вот как прикатился, так обратно пусть и катится. Тоже нашёлся мне проверяющий! Нет уж! Это дела нашей части, мы с ними уж как-нибудь без его толстопузства разберёмся.

Я села рядом, с удивлением разглядывая старика. Уж от кого поддержки не ожидала, так это от него.

— Я, мож, и Унке забуду рассказать. Память уже не та стала... — с ехидцей посмотрел он на меня и добавил: — Особливо если на полный желудок-то.

Раздался смешок — это Дервин всё слышал и рассматривал нас со своей койки через дверной проём.

— Предложение, конечно, заманчивое, но сестре я обычно не лгу, — вздохнула я. — Раз допустила ошибку, то нужно нести ответственность за последствия. Однако за молчание перед ноблардом Асавидом большое спасибо.

Я отнесла тарелку с супом Дервину и помогла ему поесть, так как снимать бинты с рук было ещё рано.

Усыпив пациента, села на соседнюю койку и зевнула.

Валентайн сыт, Дервин спит... можно и мне подремать часочек. Или хотя бы попытаться.

Я едва успела прикрыть глаза и расслабиться, как почувствовала запах гари.

Оказалось, что я успела задремать, а мясо, томящееся на маленьком огне, — подгореть! Самое обидное, что я в него даже овощи не положила, так что тушилось оно исключительно в собственном соку, пока онный не выкипел.

Да что за напасть!

К счастью, подгореть успело не сильно и большую часть удалось спасти.

Я поставила тушиться ещё и овощи, надеясь, что моё очередное фиаско никто не заметит. К счастью, второй раз я о рагу не забыла, и к вечеру у меня всё было схвачено: и первое, и второе, и идущий на поправку пациент.

Но радость была недолгой. Стоило снова задремать, как меня разбудил шум мужских голосов.

В медблок зашли трое: сам командор Блайнер, выдернутый со встречи с семьёй, главмех Дресаер, злющий до невозможности, и майор Гордонан, остававшийся в эскадрилье за старшего и державший в руке потрёпанный, однако вполне целый журнал «Ночной бессонник».

Да что ж такое-то, а? Сейчас взбучку получу ещё и за «литературную запрещёночку». И ладно бы за дело. Обиднее всего, что я даже не успела её почитать!..

Глава 6

Тридцать первое октября. Вечер Дервин Местр

Проснувшись вечером, Дервин чувствовал себя почти сносно. Ногу ниже колена тянуло и словно бы распирало, однако боли не было. Вероятно, голень просто сильно отекала.

А вот руки... чесались нещадно!

Лира дремала полусидя, привалившись плечом к изголовью соседней койки и приобняв подушку. Ему стало невыносимо стыдно — из-за него она не спала весь день и наверняка очень устала. Сквозь сон он периодически ощущал прохладную руку у себя на лбу, а также касание её магии — дарующей силы и жизнь.

Дервин залюбовался спящей Лиорой.

Когда только прибыл на место службы, он спросил кузена, почему тот так сильно рисковал собой и репутацией, женившись на одной из проклятых Болларов. Ким тогда ответил: «Потому что она особенная». Дервин не понимал. Да, красивая, да, милая, да, улыбчивая. Но мало ли вокруг красивых, милых и улыбчивых нобларин? Уж командор части, выходец из обеспеченной семьи, состоящей в Синклите императора, может выбрать. А у Адели вообще дар целительский, который может и сочетается с молниями, однако уж точно не усиливает их.

А теперь Дервин понял, почему Ким вёл себя, как одержимый, и очень сильно рисковал. Восприятие действительно меняется, когда встречаешь по-настоящему особенную девушку.

Чем больше Дервин об этом думал, тем мучительнее становилось чувство вины и несправедливости. Однако слишком глубоко в свои мысли он погрузиться не успел — в медблок пожаловали командор и главмех, с которыми он жаждал переговорить. Их голоса разбудили Лиору, и она резко села, сонно промаргиваясь и выглядя при этом невероятно мило и беззащитно.

— Лира, как ты справляешься? Я отправил Аделю поспать пару часов, но скоро она проснётся и сменит тебя. Извини, что разбудили.

— У меня всё равно будильник заведён, я каждый час проверяю состояние пациента, — отрапортовала она, поднимаясь на ноги.

— Асавид сказал, что ты прекрасно справилась.

— Да, операция прошла нормально. Но у нас пациент молодой и полный сил, так что...

— Местр, докладывай уже! — не вытерпел главмех Дресаер.

Дервин принялся заново рассказывать, как при снижении штурвал сначала стал слушаться хуже, затем нагрелся, а потом его вовсе заклинило.

— Заклинить штурвал могло из-за нагрева... — пробормотал главмех. — Металл расширился и встал намертво. Вопрос в другом: из-за чего бы ему греться?

— Не знаю, — честно ответил Дервин.

— Может, ты просто не пытался его повернуть? — скептически спросил главмех.

— Ещё как пытался! — вмешалась Лиора. — Штурвал не просто разогрелся! Посмотрите, какие ожоги остались на ладонях. Там даже рисунок гравировки отпечатался!

Она деловито размотала бинты на левой руке Дервина и показала собравшимся ожоги, которые выглядели на порядок хуже, чем ощущались. За день волдыри побелели, а под ними образовалась новая розовая кожа, но старая выглядела пугающе, и даже бывалый майор Гордонан закашлялся и отвернулся.

— Так что не надо говорить, что он не пытался. Посмотрела бы я, как вы сами хватались бы за обжигающий штурвал! — воинственно закончила Лиора, и чувство стыда Дервина стало просто невыносимым.

Мало того, что она его спасла, так ещё и вступается. Пытка какая-то! И ведь ничего не скажешь, кроме огромного спасибо.

— Ясно... — протянул главмех, растеряв весь пыл.

— А Дидал?.. — спросил Дервин у командора.

Тот ответил сдержанно:

— К сожалению, он погиб. Однако, насколько мы можем судить, смерть была быстрой. Мы сейчас проверяем все маголёты, но пока не можем понять, что за неисправность могла повлечь за собой такие последствия.

Дервин нервно сглотнул и посмотрел на кузена:

— Это была попытка покушения на Трезана?

— Возможно. Такую версию мы тоже рассматриваем. Однако вероятность не так уж велика. Курсантам выдают случайные маголёты. Откуда злоумышленнику было знать, какой именно будет пилотировать принц? — резонно спросил Кеммер. — Конкретно в этом случае он опоздал на построение, и ему должен был достаться последний маголёт, но так ведь бывает не всегда...

— Быть может, его и задержали намеренно? — спросил Дервин. — Подготовили именно последний маголёт, а потом задержали, но слегка не рассчитали по времени, и вместо небольшого опоздания получился пропуск... Нужно выяснить, почему Трезан задержался.

— Он не мог найти чистую рубашку, — недовольно пояснил кузен, всем своим видом показывая неодобрение.

— Может, у него её специально украли, — предположил Дервин, вспомнив, что друг часто сетовал на отсутствие рубашек.

— А может, кто-то просто слишком привык к круглосуточному обслуживанию и постоянно забывает забрать своё бельё из прачечной, а потом жалуется, что ему выдали не то. Если честно, я уже от этих рубашечных капризов устал и давно ему сказал: носи, что дают. Рубашки стираются вместе, в части сотни военнослужащих. Я не собираюсь нагружать прачечную службу ещё и тем, чтобы они отдельно стирали рубашки нашего принца. Пусть ходит в казённых или отправляет свою корзину для белья во дворец. С курьером.

Казённые рубашки были, скажем так, не лучшего качества, и Трезану с Дервином они категорически не нравились, но последний не был принцем, поэтому молчал. Кроме того, Ким прав: требовать особого отношения на службе не стоит хотя бы потому, что это раздражает окружающих. И если одному-единственному принцу это ещё хоть как-то простительно, то нобларду — нет, ведь ноблардов среди пилотов куда больше, чем среди пехотинцев, к примеру. И это логично: учиться дорого, дар требуется достаточно сильный, да и специальность престижная.

В общем, Дервин брал то, что выдавали, и не роптал, а на особый случай хранил парочку хороших рубашек, которые при необходимости стирал сам. Стирать его, кстати, научил Зоур, и правило звучало так: снял — посолил пятна — замочил в мыльном растворе — постирал — повесил. Если не выполнить один из пунктов сразу, то рубашка желтела, покрывалась непонятными разводами и быстро теряла товарный вид.

Ещё одна причина, по которой Дервин старался не отвешивать — это родство с командором, по случаю которого Ким мог оказать ему особую, семейную привилегию — отвесить братского леща. С обычными курсантами командор был строг, но всегда держался в рамках устава, а к Дервину относился скорее как старший брат, ведь на протяжении нескольких лет кузены росли под присмотром Местров в их поместье.

Дервин гордился тем, что всё научился делать сам ещё в академии, и теперь на некоторых особо нежных домашних мальчиков смотрел свысока и никогда не жаловался, даже если еда в столовой оставляла желать лучшего, китель выдали сшитый криво, а в душевых напор

воды порой был настолько ничтожен, будто курсантам предлагалось омываться слезами Гесты, собранными в полнолуние.

— Дервин? — тронул его за плечо кузен. — Ты где?

— А? — очнулся он от мыслей. — Прости, Ким, я задумался.

— Простите, командор Блайнер, — поправил кузен, а потом вопросительно посмотрел на Лиору.

— Пациент пережил глубокий шок, он сам не свой, не обращайтесь внимания, — тут же прокомментировала она.

— Пусть лучше расскажет, откуда у него журнал, — напомнил майор Гордонан.

— Какой журнал? — недоумённо спросил Дервин, краем глаза замечая, как стремительно бледнеет, а потом нервно сглатывает Лиора.

Обложку журнала он узнал сразу и чуть не рассмеялся, а затем наконец понял, что именно Лиора делала на крыше поздним вечером. Не только загорала под луной, но ещё и почитывала скабрёзные сплетни.

Можно было, конечно, свалить вину на Дидала — ему уже всё равно, но Дервин так поступить не мог. Просто перестал бы себя уважать. Именно поэтому он протянул левую, разбинтованную и устрашающе выглядящую руку, выхватил журнал из рук майора и признал:

— А, это моё.

— Курсант, ты совсем оборзел? — опешил майор от такого выпада, и единственное, что спасло Дервина от хорошей затрецины — вмешательство Лиоры.

— Господа, помним, что пациент пока не в себе. У него всё ещё наблюдаются последствия шока. Зрачки до сих пор расширены и гормональный фон пока не пришёл в норму, а эту ужасную причину раздора, — она изящными пальчиками изъела из рук Дервина журнал и спрятала за спину, — я уничтожу лично. Сама. Слово Боллар.

Лиора дерзко посмотрела в глаза командору в глаза.

— Но он...

— Не в себе! — звонко воскликнула она, обеими руками вцепившись в журнал за своей спиной. — Это я вам как целительница говорю. До тех пор, пока курсант Местр не выйдет из этого кабинета на своих двоих, ответственность за него лежит на гарде и на нас с Лунарой. А я повторяю: он пережил глубокий шок и ещё не пришёл в себя после травматического события и потери второго номера. Будете усугублять его состояние — я вас попрошу из кабинета так же, как и принца. Невзирая на чины.

— Принца-то она едва ли не пинками выгнала, — встрял жрец, не удержавшись.

Естественно, какой разговор может пройти без его вмешательства!

— В общем, тему журнала я считаю исчерпанной.

— За пронос журнала в часть положены сутки карцера.

— А с чего вы взяли, что это курсант Местр его вообще купил и в часть принёс? — громко возмутилась Лиора. — Курсант Местр, разве вы принесли в часть этот журнал?

— Нет, но...

— Но вы его случайно нашли в столовой и планировали отдать командору Блайнеру, когда он вернётся, — с не терпящей пререканий уверенностью заявила Лиора, глядя командору в глаза.

— Так я вернулся, — нахмурился командор.

— И теперь я лично прослежу за тем, чтобы журнал был уничтожен, а вам в доказательство предъявлю корешок, — пообещала она, вцепившись в журнал так, что на тонких пальчиках побелели костяшки.

Дался ей этот журнал! Вернула бы — и дело с концом...

Переглянувшись с майором, командор Блайнер лишь пожал плечами.

— Ну... ладно... — неуверенно проговорил он, не желая ссориться со свояченицей, спасшей его кузену сначала жизнь, а потом ногу. — Уверен, что гарцель за этим проследит.

Дервин в который раз отметил, что командор относится к сёстрам жены с особой мягкостью, и успокоился. Главное, чтобы Лиору за этот дурацкий журнал не посадили в карцер — там темно, пусто, а в это время года ещё и холодно.

Ещё раз расспросив Дервина об обстоятельствах катастрофы, офицеры наконец удалились.

— Пора вечерничать! — объявил жрец, едва за ними захлопнулась дверь.

— Подождите немного, пусть прогреется... — отозвалась Лиора, включая плиту, а затем вернулась к Дервину, принялась осматривать и напивать магией разбинтованную руку. — Можешь подвигать пальцами?

Он подчинился, а затем спросил:

— А от чесотки ничего нет? Чешется так, хоть на стену лезь.

— Значит, заживает. Но сам не трогай, пожалуйста. Давай я почешу.

Дервин подставил обе ладони, и она принялась осторожно водить по ним тонкими пальчиками, доставляя изысканное, почти эротическое удовольствие. Он прикрыл глаза, растворяясь в нём, а затем вдруг подумал, что пока он тут тает от наслаждения в руках самой красивой девушки на свете, его второй номер мёртв и больше никогда не испытает ничего. И родители Дидала будут ещё долго оплакивать сына, которого он, Дервин, не уберёт.

Он отдёргнул ладони и пробормотал:

— Спасибо, хватит.

Лиора обновила на них мазь и снова забинтовала.

— Хочешь, уберу чувствительность на время? — предложила она.

— Не нужно. Всё нормально, — глухо отозвался он.

Все эти мучения он заслужил.

Лиора тем временем занялась ногой, превратившейся в огромный отёчный синяк от паха и до пальцев ноги. Целительница осторожно размотала бинты, удалила дренаж и принялась накладывать заклинания и с мягким нажимом поглаживать от стопы до бедра.

— Это чтобы немного разогнать кровь и лимфу.

Он чувствовал, как по телу растекается уже знакомая магия, а ощущение онемения и распираания уходит. Синяк тоже бледнел и переставал на глазах.

— Завтра сможешь встать. Но только под моим присмотром. Кости вроде бы неплохо срослись, хотя пока остаются очень хрупкими, а весишь ты много, — серьёзно проговорила она и тут же спохватилась: — Не в том смысле, что ты толстый, просто высокий и плечистый.

— Я понял, — ответил Дервин. — А ты сможешь позвать Зоура и Леввек а ещё раз? Я обещаю, что мочить они меня больше не будут, просто отнесут в ванную.

— Может, лучше в утку? — предложила Лира, глядя на него небесно-голубыми, совершенно невинными и полными невероятной доброты глазами.

— Нет, — не терпящим пререканий тоном ответил Дервин, и Лиора с тяжёлым вздохом отправилась на поиск его друзей.

Когда она вернулась, на неё накинута жрец:

— Сколько можно ждать вечерника?

— Сейчас сделаю, — на удивление спокойно отозвалась она и принялась накладывать рагу, на которое глазами никогда в жизни не евших людей смотрели теперь ещё и Зоур с Леввек ом.

— Везёт вам, конечно, — пробасил норт. — Нас вот ещё не кормили.

И вздохнул так жалобно-жалобно, что Дервину захотелось его треснуть именно так, как рекомендовала Лира — металлическим медицинским лотком по голове.

— Отнесите меня, пожалуйста, в ванную комнату, — попросил он, и друзья подчинились.

А когда они вернулись в приёмную, Лиора уже накрыла стол и разложила по тарелкам ароматное рагу.

— Интересно, как там Уночка? Надеюсь, их на симпозиуме голодом не морят! — проворчал жрец, уплетая мягкое рагу за обе щёки.

— Надеюсь, она о нас даже не вспоминает, — со вздохом заметила Лиора, посмотрев за окно.

Когда Дервина уложили на койку, она распорядилась:

— Вы двое, мойте руки и садитесь за стол. Ешьте, я ещё приготовлю. Продукты есть.

Пока друзья с довольным видом принялись за еду, Лиора сходила за командором и Аделью, а потом села кормить Дервина.

— Сама сначала поешь, — тихо сказал он. — Я подожду. Пусть заодно остынет немного.

Пока Лиора ела, пришла гарцель, а следом за ней — его кузен. Он осторожно коснулся лопаток жены и что-то с нежностью у неё спросил. Слов Дервин не разобрал, слишком далеко находился, но заметил, как на них взглянула Лиора.

Без ревности или зависти, на которую она, скорее всего, была не способна в принципе, но с такой тоской, что у Дервина сжалось сердце.

Он посмотрел на то, как она отвела взгляд и уставилась в свою тарелку, и с неожиданной лёгкостью принял решение снять с неё проклятие во что бы то ни стало.

Глава 7

Тридцатое октября. Вечер Бреур Боллар

Всё же бандиты как-то прикрыли переулок.

Никто так и не побеспокоил Брена, пока он проверял у наёмников карманы и грузил трупы в их собственный мобиль. Туда же он закинул оружие, а потом запер «место преступления» и положил ключи в карман, с запозданием отметив, что тот успел напиться кровью из-за раны в боку.

Единственного живого полукровку Брен парализовал ещё раз — чтобы не очнулся ненадолго — и закинул в свой мобиль. Тот, в отличие от более современного и дорогого магомобиля наёмников, был старого образца — с кабиной шофёра, отделённой перегородкой от основной части салона. Его и мобилем-то раньше не называли, только экипажем. В последние годы появлялось всё больше моделей, где пассажиры сидели вместе с водителями, но аристократические семьи всё равно отдавали предпочтение старомодным, сохраняющим приватность пассажиров и подчёркивающим их статус.

Брен выехал из переулочка и направился к зданию Службы Имперской Безопасности, где теперь служила младшая сестра.

С Кайрой они не виделись и не разговаривали с ночи её бракосочетания с Десаром Блайнером, и в душе Брена накопилось очень многое, что давно пора было ей высказать.

Вот и отличный повод! Она когда-то говорила, что семья для неё на первом месте, а служба лишь поможет разбираться с проблемами. Вот и выдался шанс проверить, разойдутся ли у неё слова с делами.

Разъедающую ядовитую злость Брен пытался унять, но получалось плохо.

Он невероятно устал и бесился ещё и из-за того, что теперь остался без единственной дублёнки. Хорошо, если Эва сможет заштопать дыры и украсить рукав с поясом какой-нибудь вышивкой. Но в чём ему ходить до тех пор? С этими покушениями никакой одежды не напачеешься! У него в гардеробе осталось только одно приличное пальто. Осеннее и тонкое.

Он вообще вынужден был одеваться как последний зачуханный неудачник. Спасало лишь то, что под халатом не видно, что он донашивает рубашки и брюки даже не за отцом — за дедом! Именно поэтому казённые медицинские халаты он практически не снимал — чтобы не позориться. А о покупке новых вещей речи не шло — все деньги Брен тратил на погашение долгов или покупку самого необходимого для сестёр. Они же девочки, им нужнее.

Долги... Как же он ненавидел скорость, с которой они накапливались и наваливались невесомой, но неподъёмной плитой. Пени на просрочку, процент на пени, потом — процент на процент. И вот он должен уже в два раза больше, чем в прошлом году!

К зданию СИБа он подъехал, прекрасно понимая, что с сестрой разругается окончательно, но ему хотелось этого. Хотелось высказать ей в лицо всё, что он думал о её поступке, а думал он о нём весьма много.

Предательский выбор Кайры ранил его очень глубоко, потому что он искренне любил её именно за резкость и непримиримость. Она всегда была его главной союзницей в ненависти к Блайнерам, и от неё он меньше всего ожидал замужества с врагом.

Мобиль он бросил у парадного входа, а затем выволок наёмника-полукровку из мобиля прямо за длинные смоляные волосы. Стоящий у дверей дежурный аж поперхнулся, когда весь заляпанный кровью Брен показался в его поле зрения.

— Я Бреур Боллар, а это — подозреваемый в преступлении. Мне нужна Кайрэна Боллар, моя сестра.

Дежурный моргнул, осмотрел его височную печать, а потом придержал дверь и сказал:
— По коридору прямо и восьмая по счёту дверь направо.

Ни форму доставки подозреваемого, ни вид самого Бреура никто не прокомментировал, из чего он сделал вывод, что в здании СИБа и не такие гости бывали.

Полукровка был тяжёлым, а волосы оказались не очень чистыми, из-за чего пальцы норовили соскользнуть, однако Брен усилил себя магией и всё же дотащил парализованного до кабинета Кайры.

Её он застал одетой в лёгкий полубухоб и явно собирающейся уйти.

— Брен? — изумлённо спросила она, скользя по его фигуре цепким взглядом. — Что случилось? Ты ранен?

— Уже нет, — он наконец выпустил волосы полукровки, и тот повалился на пол, с чудесным стуком треснувшись затылком об пол.

Брен искренне надеялся, что удар вышел не только гулким, но и болезненным.

— Что произошло? — вышел из-за стола парадно одетый Десар Блайнер, мгновенно вызвав в Брене волну удушающей ненависти.

Он ненавидел в нём всё — и то, что он женился на его сестре, и то, что был выше самого Брена ростом, и его щёгольскую шёлковую чёрную рубашку, и небрежно убранные назад чуть отросшие тёмные волосы, и особенно — ярко горящую на левом виске родовую печать Блайнеров и Болларов. Нет ничего отвратительнее, чем переплетение этих двух узоров, которые никогда не должны были слиться воедино!

Чтобы не смотреть на Десара, Брен повернулся к сестре.

Но вот проблема: на её правом виске сияла идентичная печать, делавшая её чужой.

— На меня совершили покушение. Уже седьмое в этом году, если мне не изменяет память. Этот — единственный, кто выжил. Я подумал: вдруг моей сестре станет интересно не только ублажать Блайнера, но и разобраться в том, кто так методично пытается убить меня, — ядовито припечатал он.

— Брен! — недовольно нахмурилась она.

— Я не позволю оскорблять мою жену, — тут же процедил Блайнер, приближаясь к нему. — И мы уже уходим. У нас запланировано мероприятие, а это, — он указал на распластанное тело, чьи ноги лежали на пороге и частично перегораживали коридор, — нужно доставить к дознавателям. Подобные дела в их юрисдикции.

— Да неужели? А куда же ты так торопишься, Кайра? — насмешливо посмотрел Брен на сестру. — Неужто на ужин к Блайнерам? Интересно, Моэра там тоже будет? Вы с ней как, уже успели стать лучшими подружками или пока нет?

— Брен, хватит! — оборвала его сестра. — Её там не будет.

— Ах, какая жалость! Неужели упустишь возможность полобызаться в дёсны с любимой тётушкой Десара, которая всего лишь прокляла нашу семью! — последние слова он выплюнул с такой ненавистью, что Кайра пошатнулась.

— Прекрати, — хрипло попросила она.

— Лучше убирайся, — прорычал Десар.

Кайра тут же вцепилась в локоть Блайнера и потребовала:

— Молчи! Ты обещал!

— Но он...

— Ты дал мне слово! — Кайра посмотрела на мужа так, что Брен удовлетворённо хмыкнул. Она обернулась к брату и спросила: — Ты пришёл оскорблять меня?

— А что оскорбительного в том, что я говорю, Кайра? Ты сделала выбор. Ты стала Блайнер. Неужели ты не предполагала, какими будут последствия? Ну давай, скажи, что ты не знала.

После паузы она ответила:

— Знала.

— Ты выбрала его. Знаешь, я должен извиниться перед тобой. Когда ты сначала пропала, а потом вернулась и сказала, что выходишь замуж за Блайнера, я решил, что тебе промыли мозги. Ну знаешь, как они это умеют в Службе Имперской Безопасности. Они же вербуют шпионов и убеждают людей предавать свою страну, свои прошлые идеалы и свою веру. Я подумал, что тебе нужна помощь, Кайра. Что ты стала жертвой коварства Блайнера. И я попытался исправить это, пока ещё мог. Это было моей ошибкой. Извини, я глубоко заблуждался. Сёстры объяснили мне, что никто ни к чему тебя не принуждал, а ты сделала выбор сама. Что ты добровольно легла под врага и радостно побежала с ним к алтарю. Что ты прекрасно знала, как я к этому отнесусь, и всё равно сделала это.

— Ты простил Адель, — сипло проговорила Кайра, упрекая.

Он явно застал её врасплох, и теперь она стояла потерянная и несчастная, глядя на него с виной и болью, которые разъяряли ещё сильнее.

— Простил. Потому что Адель просила прощения. И потому, что у неё, в отличие от тебя, не было выбора. Она всегда была мягче и жалостливее тебя. И она не выбирала Кеммера. Всё произошло случайно. Да, она сглупила и была недостаточно внимательна, но она не выбирала его. А ты выбрала, Кайра. Между нашей семьёй и Блайнером ты выбрала его. И этого я никогда тебе не прощу.

— Брен...

— Заткнись и выслушай меня, — перебил он. — Когда ты болела, я читал тебе книжки. Когда ты лазила по деревьям, я лечил твои исцарапанные коленки. Когда пять лет назад ты сказала, что не хочешь быть целительницей, я принял это. Когда ты начала носить брюки и остригла волосы, как не подобает нобларине, я затыкал рты тем, кто смел говорить о тебе плохо. Когда три года назад ты захотела идти на боевой факультет, я сделал всё, что было в моих силах, чтобы исполнить твоё желание! Я выбил квоту, оформил документы, покупал тебе учебники и вещи, платил за тебя налог на безбрачие, пока ты три года училась! Все твои сёстры работали, чтобы ТЫ могла учиться. Мне пришлось сделать выбор, кто из вас отправится в академию, и это был самый поганый выбор, потому что и ты, и Адель, и Эва и Лида хотели этого одинаково. Но я решил отдать эту возможность тебе, потому что не мог научить тебя тому, чему ты хотела научиться! Их — мог, а тебя — нет! Я сделал ставку на тебя! Что ты мне сказала, когда уехала учиться?

Губы Кайры дрожали, и на глазах появились слёзы. Последний раз он видел её плачущей на похоронах родителей, и теперь эти слёзы доставляли ему какое-то болезненное удовольствие.

— Я сказала, что научусь защищать тебя, — всхлипнула она.

— Так вот, Кайра. Сегодня на меня напали. И тебя не было рядом. Ты была с Десаром Блайнером.

— Брен! Всё не так! — воскликнула она, сжав кулаки.

— Именно так. Ты отказалась от семьи, ты **ДОБРОВОЛЬНО** пошла к алтарю с Блайнером, хотя могла выбрать любого другого мужика. Любого. Да, я хотел отдать тебя в семью Корвигелей, но только потому, что я знаю точно: это не они все эти годы продолжают попытки истребить наш род. Они помогают деньгами, нанимают адвокатов, оспаривают пени. Они подняли на Синклите вопрос о том, чтобы с нас сняли обязанность платить налог на безбрачие, потому что никто из нас не может вступить в брак. А что делали Блайнеры? — лицо Брена исказилось в полуусмешке-полугримасе. — И можешь ли ты утверждать, что за многочисленными покушениями на меня стоят не Блайнеры и не Местры?

— Что? Брен, да что ты такое говоришь!

— Пока я жив, Корвигель имеет два голоса в Синклите — мой и свой. Ты это знаешь. Он — единственный из Синклита, кому не выгодна моя смерть. Но знаешь, кому она выгоднее всего? Тем, на чьё имя бросает тень наше проклятие. И чем больше я говорю о том, насколько

оно несправедливо, чем сильнее пытаюсь добиться хоть какой-то реакции императора и наказания для Моэры Блайнер, тем больше неудобств я причиняю нашим врагам. Неужели тебе не приходило это в голову?

— Блайнеры не имеют отношения... — начал Дерсар.

— Заткнись! — тут же оскалился Брен и посмотрел на сестру: — Ты можешь сейчас поклясться своей жизнью, что никто из Блайнеров не замешан в покушениях на меня?

Кайра молчала, глядя на брата в ужасе.

Он хмыкнул.

— Я так и думал. Ты считаешь, что я предал тебя, когда попытался вернуть ту Кайру, которую знал и любил. Но ты предала первая. Ты выбрала его. Ты знала, что я никогда этого не приму, но ты всё равно выбрала его. Кеммер хотя бы имел совесть прийти ко мне и просить руки Аделины. Да, я ему отказал, но он хотя бы пытался, Кайра. А пытался ли Дерсар? Нет! Вместо этого он ударил меня в спину. Он сделал ровно то, что и я. Ровно то, что сделала ты, когда бросила всех нас.

— Я не бросила! — воскликнула она. — Я каждый арчант жалования отправляю Эве!

— Это всё равно не сравнится с тем, сколько налогов я заплатил за те три года, что ты училась, и ты прекрасно это знаешь. Ты лишь возвращаешь то, что было когда-то вложено в тебя, но при этом делаешь это так, будто я ОБЯЗАН был отправить тебя учиться. Нет, Кайра. Я не просто не был обязан, я поступился интересами остальных девочек, отправив учиться тебя. Ты, кстати, сказала, что работа в СИБе может помочь снять проклятие. Как продвигаются дела? Интересно, сколько ночей ты посвятила этому вопросу, Кайра? Скажем, из последних ста?

Сестра молчала, и Брен знал, что попал ровно в болевую точку, задав этот вопрос.

— Мы по долгу службы вынуждены были уезжать из страны, у нас банально не было на это времени! — вмешался Дерсар.

— Какая жалость, что время на то, чтобы разъезжать по городу в шикарном мобиле в компании принцессы было, время ходить с ней по магазинам было, даже, говорят, на театр время было, а на снятие проклятия — как-то не нашлось, — с ядовитым сарказмом подытожил Брен. — Чего ты молчишь, Кайра? Сколько из последних ста ночей ты посвятила тому, что искала способ снять проклятие?

— Две, — шёпотом ответила Кайра.

— Два процента усилий. Что ж, — он снова хмыкнул. — Поразительная преданность семье. Прости, Кайра, я снова был неправ, потому что считал, что ответом будет ноль. Я прекрасно понимаю, насколько ты занята. Нужно было искать напарников, они же для тебя важнее твоих собственных сестёр. И сегодня ты тоже занята — собираешься на званый ужин к Блайнерам... Явно куда более важное дело, чем искать способ снять проклятие, которое они на нас наложили.

— Проклятие наложила Моэра! — воскликнула Кайра. — Не все Блайнеры, а она одна!

— Но никто из них никогда не признал того, что это проклятие несправедливо! Никто не помогал платить нам долги! Напротив, они ещё и зубы скалили, издеваясь! — вскипел Брен. — Они приняли её сторону и поддержали!

— Не все! И Адель тоже будет там! На приёме! — Кайра утёрла сбежавшую по щеке слезу.

— Адель хотя бы не бросила сестёр. Она выбила для близняшек рабочие места и заставила мужа повысить им жалование. Она помогает обувать и одевать их. Она заставила Кеммера принести извинения мне за то, что он женился на ней против моей воли. Да, его всего корёжило, и я честно думал, что у него случится инсульт от перенапряжения, но он всё же вёл себя, как подобает нобларду. В отличие от твоего мужа, который всё обставил так, будто я — не твой официальный опекун, а лишняя деталь, которой можно пренебречь. И Адель, в отличие от тебя, не строит из себя жертву. Она понимает, сколько боли мне причинили её поступки, и

искренне пытается наладить отношения, — Брен закончил уже тише: — Сложно не простить того, кто об этом просит. Выходя за Блайнера, Адель пыталась сохранить свою репутацию и случайную беременность. Я могу её понять. А вот тебя — нет. Скажи, Блайнер затащил тебя в постель насильно? Опоил тебя? Шантажировал? Угрожал?

— Нет, — глухо ответила Кайра, пошатнувшись. — Ты прав, я сделала этот выбор сама.

— Я так и думал, — ответил он. Хотелось, чтобы голос звучал саркастично и язвительно, но получилось опустошённо. — Ты всегда была самой сильной и решительной из сестёр. Думаю, я тебе больше не нужен. Не приходи ко мне, не возвращайся домой. Ты для меня умерла так же, как Лина.

Кайра дёрнулась так, будто он её ударил.

— Брен... — прошептала она, и в этот момент Десар не выдержал и встал между ними.

— Бреур, мы дали тебе высказаться, и я вынужден признать, что кое в чём ты прав. Мне действительно стоило прийти к тебе и формально попросить руки Кайры. Не сделав этого, я проявил неуважение. Согласен. Приношу за это извинения. Но это моя ошибка и ответственность, а не её. Я знал, что ты мне откажешь, поэтому действовал максимально рационально — обставил всё так, что твоё согласие и не потребовалось. И да, я могу понять, почему изменения в её взглядах и поспешность, с которой мы поженились, выглядит как минимум подозрительно. Однако здесь я всего лишь пытался поступить правильно: мы столько времени провели вдвоём, что не жениться на Кайре после этого тоже было бы оскорблением. И да, это я уговаривал её как можно скорее пойти к алтарю, хотя прекрасно понимал, чего это будет ей стоить. Только пойми: как ты борешься за то, что считаешь правильным, так и я борюсь и буду бороться за Кайру, потому что люблю её. И если тебе так хочется считать ночи, которые она провела за поиском способа снять проклятие, то умножай на два, потому что каждую из тех ночей я был рядом с ней. И поверь, мало кто заинтересован в снятии проклятия так, как я или Кеммер, потому что как только оно наконец спадёт, можно будет надеяться на мир и спокойствие для наших жён.

— Ты оторван от реальности, если считаешь, что после всего случившегося между Болларами и Блайнерами может быть мир! — хрипло ответил Брен.

— Возможно, — не стал спорить Десар. — Однако никто не может запретить мне мечтать и заблуждаться. А сейчас подумай вот о чём: причиняя боль Кайре, ты играешь на руку в первую очередь мне. Когда ты уйдёшь, я останусь, чтобы её утешить. Прими уже наконец то, что твои сёстры — не твои проекции, а живые девушки. Добрые и хрупкие девушки, которые в принципе не способны ненавидеть так горячо и безусловно, как умеешь ты. Кто знает, возможно, твой запрет на союзы с Блайнерами и делает их подсознательно столь желаемыми? Ведь требуя безоговорочного подчинения, ты всегда в итоге получаешь бунт. Подумай об этом, Бреур. Проанализируй прошлое и пойми наконец, что чем сильнее давление, тем мощнее взрыв. Если бы в своё время на твоего отца и мою тётку не давили старшие, никакого проклятия не было бы в принципе.

Брен молчал. Он понимал, что на него пытаются повлиять, и ненавидел себя за то, что у Блайнера почти получалось. Он кинул на стол окровавленные ключи от мобиля полукровок и сказал:

— Трупы в тупике на Пятой магистрали. Недалеко от клиники. Там есть небольшой поворот и маленькая улочка между кирпичными домами. Там всё и произошло. Один из них приотворился раненым, чтобы я подошёл поближе. Дальше они напали, хотели отсечь мне голову, но помешал воротник.

Брен сухо пересказал то, что случилось, а в конце добавил, обращаясь к Кайре:

— Не удивлюсь, если твой муж будет настаивать на том, что его семейка ни при чём, а дело нужно отдать дознавателям. Но если в тебе осталась хоть капля порядочности, ты попробуешь разобраться. Или не попробуешь — выбор за тобой. В любом случае я ничего не теряю,

этих покушений было уже больше дюжины, и ни одно так и не расследовали достойным образом, — подытожил он, развернулся и ушёл.

Он знал, что причинил Кайре боль, и теперь спрашивал себя: а правильно ли он поступил?..

Но она сделала свой выбор, а он сделал свой — и теперь осталось как-то с ним жить.

Несмотря на свежий морозный воздух, дышалось с трудом. Грудь сдавило, виски заложило и закружилась голова.

Брен сел за руль, сложил на него руки и упёрся в них лбом.

Возможно, он был кругом неправ.

Эвелина больше не разговаривала с Бреном так, как раньше. Она считала, что он не имеет права решать, за кого сёстрам идти замуж, ведь они не его собственность.

Так он и не считал их собственностью! Он хотел для них лучшего! Он всего лишь хотел пристроить их в обеспеченную семью до того, как его доконают наёмники, и Корвигель — единственный, кому он мог доверять по-настоящему.

Брен ведь даже не настаивал на конкретном представителе их рода, там есть несколько холостых парней. Когда он предложил сёстрам с ними познакомиться, они дружно отказались. Мол, мы всё равно прокляты, в этом нет смысла. А стоило Кайре избавиться от своего проклятия, как внезапно она возжелала стать женой именно Блайнера, хотя до этого сотни раз говорила, что брак её не интересует.

Брен, правда, никогда до конца ей не верил, и оказался прав. Вся эта бравада про то, как ей не нужен муж, оказалась ерундой, и при первой же возможности она побежала к алтарю. И с кем? С Блайнером, конечно!

Ладно Кеммер — тот хотя бы рисковал собой, снимая с Аделины проклятие, и в какой-то степени заслуживал уважения. Первый месяц Брен бесился, а теперь мог его даже терпеть. Без восторга, конечно, но и без желания разорвать на куски. Да и близняшки хором пели ему дифирамбы, рассказывая, как бережно и уважительно муж обращается с Аделью. И ладно Лира — у той всё вечно хорошо и замечательно, но даже куда более серьёзная и обстоятельная Уна придерживалась того же мнения.

А ещё Кеммер помогал деньгами, и Брен был вынужден его благодарить. Ситуация доставляла им обоим крайнее неудовольствие, однако именно это делало её хоть сколько-то выносимой. Страдания другой стороны были пусть небольшой, но всё же моральной компенсацией.

Неужели именно категорическое неприятие брата делало Блайнеров такими привлекательными в глазах сестёр?

Возможно, Брен действительно был кругом неправ, но ему хотелось, чтобы сёстры хотя бы прислушивались к нему и брали в расчёт его чувства.

Почему свет сошёлся клином именно на этих драконовых Блайнерах?!

Сделав несколько глубоких вдохов, Брен всё же немного успокоился. Завёл мобиль и вырулил с улицы, на которой располагалось здание СИБа.

Брен крутил руль машинально, не особо вдумываясь в то, куда именно едет, и когда поравнялся с домом Наты, сам тому удивился.

Он очень давно не приезжал сюда. Года полтора или два.

Как назло, в ясный зимний вечер Ната не сидела дома. Она помогала детям строить снежную крепость, и они гурьбой носились вокруг неё. Слишком много детей, наверное, приехали гости. Насколько знал Брен, у его бывшей однокурсницы пока только двое — мальчик, которому сейчас уже около четырёх и малыш, пола которого он не знал — видел коляску лишь издалика.

Ната почти не изменилась со времён учёбы. Она всегда очень походила на Лину — была такой же светлой, доброй и чуткой. Когда-то он готов был вывернуться мясом наружу, чтобы

жениться на ней, но... проклятие так и не удалось снять, несмотря на все попытки и потраченные деньги. Он даже нашёл старуху, согласившуюся взять круглую сумму в обмен на бракосочетание, но Лунолика Геста так и не одобрила их брак. Богиня редко когда позволяла заключать фиктивные союзы, но Брен всё же надеялся, что сможет стать исключением. Увы.

Некоторое время Ната прилежно ждала, подбадривала и утешала, но её родители были не настолько богаты, чтобы долго платить налог на безбрачие, и сразу после окончания академии ей пришлось выйти замуж за другого.

В тот день в Брене что-то сломалось.

Он слишком сильно любил Нату, и хотя понимал, что она не обязана была ждать неизвестно чего, в сердце навсегда засела заноза: она выбрала не его.

Возможно, если бы Кайра видела, как любовь всей её жизни идёт к алтарю с кем-то другим, она бы поняла его ненависть к Моэре. Но Брен рассказывал о своих чувствах только Лине. Остальные сёстры тогда были ещё слишком маленькими, чтобы его понять, да он и не хотел показывать им слабость. Не хотел ломать в них веру в то, что проклятие всё же можно снять. Не хотел жаловаться.

Почувствовав его взгляд, Ната обернулась. Он хотел утопить педаль в пол, но она помахала и двинулась к нему, и теперь уезжать было бы некрасиво.

Брен трижды обругал себя самыми последними словами, пока она приближалась, а он опускал окно.

Не хватало ещё этого неловкого разговора! И ведь даже не выйти из мобиля в таком виде. Пришлось оставаться внутри, словно он забыл об этикете и воспитании.

— Лунной ночи, — мягко поздоровалась она, глядя на Брена с той смесью вины и жалости, от которой ему захотелось провалиться в Разлом и сгинуть там.

— Извини, что побеспокоил. Просто мимо проезжал, — кашлянул Брен, пряча глаза. — Увидел, что вы играете... Погода сегодня чудная.

— Что с лицом, Брен? Это ожог?

— Я... это ерунда, случайно вышло.

Ната молча достала платок и вытерла его щёку.

— Я слышала, что ты возглавил клинику при Разломе. Это здорово, я всегда знала, что ты многого добьёшься.

— Да, сейчас почти всё время там. Целители очень нужны.

Брен не выдержал и взглянул ей в лицо.

Она грустно улыбнулась.

Не его жена. Мать не его детей.

— Извини, я правда проездом, — нервно сглотнул он. — Рад был тебя повидать.

— Если хочешь — заезжай на чай, — предложила она, хотя они оба понимали, что это плохая идея.

Очень плохая идея.

— Может быть, в другой раз, — ответил он. — Ну, не буду мешать. Лунной ночи, Ната. Педаль — в пол! Мотор взревел, и вскоре мобиль свернул с тихой заснеженной улочки.

Брен стиснул челюсти и сжал руль так, что заломило пальцы.

Он запретил себе думать о Нате, всё равно теперь уже ничего не изменить.

Так, сначала домой помыться и переодеться, потом — заехать за Уной, иначе они рискуют опоздать на драконов симпозиум.

Глава 8

Тридцатое октября. Вечер Лунара Боллар

Оставлять сестру не хотелось — мучило отвратное предчувствие, что в моё отсутствие случится какая-то гадость, и из-за этого я никак не могла успокоиться.

За Лирой всегда требовался присмотр. Сколько раз она чуть не устроила пожар, забывая еду на плите? А как учинила потоп, не выключив воду и оставив в раковине замоченный фартук? Тот заблокировал сток, и вода полилась водопадом через край. Ремонт влетел в кругленькую сумму, и я до сих пор чувствовала себя виноватой — ведь всего-то нужно было проверить за ней ванную комнату.

Обиднее всего, что я лишь старалась избежать проблем, а Лиора каждый раз вела себя так, будто мне нравилось постоянно ей о чём-то напоминать и перепроверять за ней каждую мелочь. Не нравилось! Ну а как иначе? Она сама же потом будет расстраиваться, если опять что-нибудь начудит.

И я доподлинно знала, что сестра рассеянна не по собственной воле. Складывалось ощущение, будто она просто устроена иначе — не так, как остальные сёстры. Я даже начала отмечать закономерности и вносить их в дневник. Хотела показать Брену. Может ли существовать некая особенность психики или развития, которая делает Лиору именно такой — мгновенно переключающейся с задачи на задачу, но не доводящей ни одну из них до конца? И при этом способной впасть в подобие транса, если что-то заинтересует её достаточно сильно?

Нужно больше наблюдений за другими подобными случаями, только откуда их взять? Приставать к курсантам в части не позволит командор, да и они могут трактовать мой интерес на свой лад и вложить в него подтекст, которого в нём нет и быть не может.

Мне всего лишь любопытно, существует ли некий «Синдром недостатка внимания» или же просто Лиора такая, какая есть, и никакие болезни тут ни при чём? В медицинских справочниках ничего похожего не описывалось, и я планировала использовать симпозиум как источник информации. Судя по расписанию, в последний день желающим предоставят возможность задать вопросы с трибуны, и я собиралась кратко рассказать о симптомах и спросить: не наблюдал ли кто из собравшихся нечто похожее?

Наш старенький мобиль притаился у парадного входа в штаб эскадрильи, а Брен вышел из него и подставил лицо лучам Гесты, напиваясь её божественной силой.

Внутрь брат заходить отказывался — не любил вотчину Кеммера Блайнера, а ещё раздражался, когда Лира заседала на него со своим ненужным оптимизмом и говорила «Ну что ты, Брен, всё могло быть гораздо хуже! Разве ты не рад, что Адель и Кайра больше не прокляты?»

Иногда хотелось связать буйную сестрицу и засунуть ей в рот кляп, потому что Брен был не рад. Но вовсе не снятию проклятия, а бракам с Блайнерами! Я не понимала, как остальные не видели, насколько тяжело ему приходится. Эва и вовсе разочаровала — разговаривала с ним теперь через губу.

А я хотела поддержать. Прекрасно видела: брат балансирует на грани; и поэтому боялась, что однажды он не выдержит и уйдёт вслед за родителями — попытается снять с нас проклятие ценой своей жизни. Тогда опекуна нам выберет император, а зная его отношение к Болларам и специфическое чувство юмора, ждать от него благодетельства не стоит. С него станет саму же Моэру Местр нам в попечительницы назначить — наверняка он сочтёт это достаточно ироничным и кругом справедливым.

Именно поэтому я изо всех сил старалась беречь Брена и сглаживать острые углы, даже когда он ошибался. Тому, что сёстры обрели семейное счастье, я радовалась, а вот на то, что

это счастье было с Блайнерами — злилась, хотя никому ничего не говорила, чтобы не портить отношения. И если Адель я ещё могла понять, то очередное бунтарство Кайры раскололо семью. И хотя я искренне восхищалась её целеустремлённостью и успехами, всё же за брата было больно.

— Лунного вечера, — пожелала я ему, подойдя к мобилу.

— Лунного, — буркнул он в ответ.

Я сразу поняла: что-то не так.

— Брен? Что случилось?..

Он на секунду задумался, а потом признался:

— Всё равно Кайра расскажет. Было покушение, я заезжал к ней на работу, и мы поругались.

— Опять покушение? Да сколько можно! — всплеснула руками я. — Брен, может быть, нам всё же стоит отказаться от места в Синклите?

— Нет, Уна, — жёстко оборвал он. — Я не хочу быть тем Болларом, из-за которого семья лишится титула. Это не обсуждается.

— Но если ты погибнешь...

— То я погибну тем, кем родился — ноблардом, — отрезал брат. — Кроме того, меня не так-то просто убить. Я не собираюсь сдаваться! Отказаться от титула и места в Синклите — это публично признать поражение, расписаться в своей слабости и показать всем, что эти твари меня запугали и сломали. Этого не будет, Уна.

Иногда брат бывал просто невыносимо упёртым, и я не знала — хорошо это или плохо.

— Насколько сильно вы поругались с Кайрой по шкале от одного до десяти? — спросила я, с сочувствием глядя на него.

— На сто.

— Брен... только не говори, что ты отрёкся от неё! — обеспокоенно нахмурилась я.

— Я сказал, что она для меня мертва, — неохотно процедил он, и мне оставалось только вздохнуть:

— Брен, ну зачем ты так? Ты же сам знаешь, что через пару месяцев будешь жалеть. Ты же всегда сначала рубишь с плеча, а потом переживаешь.

— Она была там с Блайнером... и я был зол! — ощерился брат, и я поспешила обнять его.

— Ничего, мы как-нибудь с этим разберёмся, — ласково проговорила я, глядя его по коротким светлым волосам.

Хотела добавить, что как поругались — так и помирятся, всё же не в первый раз. Но прикусила язык.

После гибели родителей мы остались ввосьмером и всегда были очень близки. А в начале этого года Гвендолина совершила ошибку — настолько сильно вложилась в лечение пациента, что её дух развеялся, и мы потеряли ещё и её.

Смерть Лины положила начало цепочке событий, раз за разом проверяющих нашу семью на прочность. Я просто не могла представить нас друг без друга, поэтому надеялась, что все эти перипетии — временные. Что Кайра наконец найдёт у себя совесть и признает: нельзя было вот так вываливать на Брена своё желание выйти замуж за одного из Блайнеров, а потом винить брата в том, что он посчитал, будто она подверглась внушению. Если честно, когда Кайра вернулась с задания совершенно изменившейся, именно такая мысль первой посетила и меня тоже. Она говорила и вела себя совершенно иначе, чем раньше.

Брен, конечно, тоже был неправ — запаниковал, разозлился и попытался стереть ей память. Так тоже нельзя. Это её воспоминания и её право изменить мнение о том из Блайнеров, кто был к ней добр.

Я попыталась втолковать каждому из них, где они заблуждались, но глас разума можно услышать лишь тогда, когда перестанут оглушающе звенеть голоса чувств. Теперь я делала

то, что всегда старалась делать Лиана: осторожно подталкивала сестёр и брата навстречу друг другу, не наседая на них слишком сильно. Верила, что постепенно всё как-то наладится, и по примеру неисправимой оптимистки Лиоры старалась видеть в случившемся и хорошее тоже.

— Кто напал?

— Да так... полукровки какие-то. Но это ерунда. Я отделался парой царапин. Дублёнку только нужно будет зашить, — отмахнулся Брен. — Ничего экстраординарного. Садись и поехали. Симпозиум начинается в полночь, но нам ещё нужно доехать, заселиться и успеть на торжественное открытие.

— Можно я поеду рядом с тобой? Мы уместимся на переднем сиденье? — робко спросила я, не желая несколько часов трястись в салоне экипажа в одиночестве.

— Полагаю, да. Вряд ли ты занимаешь так уж много места, — подумав, ответил Брен.

Он убрал мой саквояж в салон, открыл дверцу и помог забраться на широкое водительское сиденье.

— Что со щекой и ухом? — заметила я подозрительные розовые пятна.

— Ожог небольшой. Уже даже не болит. А дублёнку я постирал и повесил сушиться над ванной. Такая тяжёлая, когда мокрая... — сказал брат, а потом повернулся ко мне: — Ты уверена, что Лиору можно оставить одну?

— Уверена. Я попросила жреца Валентайна за ней приглядеть, он обещал не спускать с неё глаз, чтобы ничего не спалила в моё отсутствие, — сказала я.

— Не слишком ли он стар для этой миссии?

— Нет, что ты! Бодрости в нём на троих, — мягко улыбнулась я. — Лучше расскажи, как работа? Как двойняшки поживают?

— Эва получила очередной выговор.

— За что на этот раз? — не удивилась я.

— Она устроила соревнование между двумя больными, кто больше раз отожмётся на одной здоровой руке. Первый — полуденник, механик, ему намотало пальцы на приводной вал, когда он сунул их куда не следовало. Из четырёх два мне удалось спасти — безымянный и мизинец, остальные пришлось удалить, причём по среднему пальцу там такое нехорошее воспаление шло, что резал я трижды, по фаланге. Второй — полуночник, курсант, со сложными ожогами. Ты же знаешь, как тяжело они поддаются лечению, особенно химические. А этот олух решил разобрать снаряд, который не взорвался. В общем, ладонь он себе сжёг почти до костей. Я потихоньку наращивал ткани там, где мог. Девочек заодно учил, у Эвы, кстати, очень хорошо получается. Часть функций рука сохранит, но выглядит она, конечно, не особо презентабельно. Парень из-за этого впал в апатию, даже просил отрезать кисть. Якобы протез лучше, чем такая уродливая культя.

— И Эва в это влезла?

— Да. Она обоих пациентов курировала, и даже не знаю как, но смогла их раззадорить — мол, одна-то рука осталась, на что вы способны? Вся часть спорила, кто больше раз отожмётся на здоровой руке — полуденник или полуночник. Оба — парни крепкие, молодые, повелись на её подначки.

— А ты что?

— А я поставил на полуночника, который проиграл в итоге, — бесстрастно ответил Брен.

— Но это же неэтично... — сдавленно прошептала я.

— Вот и командир части так сказал. Даже выговор сделал и грозился жалобу отправить в Имперскую Канцелярию, — хмыкнул брат. — На что я ему ответил, что до Эвиной шалости оба пациента кисли на своих постелях, тухлыми студнями растекаясь по матрасам, а как только она их подбила на пари — сразу оживились, заниматься начали, принялись скалиться друг на друга. В общем, обрели бодрость духа. А я как главный гарнизонный целитель одобряю изобретательный подход к реабилитации пациентов. И добавил, что если он получит ранение, то я

уж прослежу за тем, чтобы никто, кроме Эвы, к его больничной койке даже не приближался. Так что пусть трижды подумает, прежде чем строчить на неё доносы. Это немного охладило его пыл.

— Неужели ты правда одобряешь её поведение?

— Не одобряю, — ответил Брен, не отрывая взгляда от заснеженного пейзажа. — Но это не значит, что её может шпынять командир части. Технически она ничего незаконного не сделала. Даже ставки она принимала не деньгами, а накопителями, что уставом в целом не запрещено. Все участники — совершеннолетние, пострадавших нет, больные занимаются и условились провести реванш на днях. Да, мы находимся в ЕГО части, но на территории МОЕЙ больницы главный — я. В общем, мы немного пободались и разошлись каждый при своём мнении, но Эву он трогать не будет.

— Хочешь, я с ней поговорю? Не дело постоянно нарываться...

Брен смотрел прямо на дорогу, долго молчал и наконец неохотно признал:

— Она продала накопители и внесла в семейный бюджет почти две тысячи арчантов. Это больше, чем моё месячное жалование. Я не знаю, как лучше поступить. Брать деньги и при этом критиковать Эву — лицемерно. Попустительствовать — безответственно. Ругать — бесполезно. Она отказывается меня слушать и теперь каждый раз говорит: «Если тебе не нравится, как я себя веду, то всегда можешь стереть мне память ритуалом и внушить немного покорности».

Я раздражённо вздохнула. Вот ведь...

С одной стороны, сестру можно понять. Эвелина встала на сторону Кайры и очень близко к сердцу приняла попытку Брена стереть ей память. С другой — Брен искренне считал, что Кайре промыли мозги, и по-своему пытался вернуть ту сестру, которую мы знали и любили.

Хотя, возможно, я просто слишком сильно привыкла оправдывать любой его поступок, даже самый неблагоприятный.

— Раньше с Эвой поговорила бы Лина и смогла бы найти правильные слова, чтобы до неё достучаться... — совсем тихо добавил брат.

Я впервые задумалась о том, что с гибелью Лины он потерял не только сестру-двойняшку, с которой был близок, которой безоговорочно доверял и которую очень любил. Он также потерял единственного партнёра по родительству. И можно сколько угодно говорить, что мы уже взрослые, вот только Брен всё ещё является нашим опекуном и несёт ответственность за всю семью.

— Я поговорю с ней. Обещаю. В конце концов, её поступки отражаются на репутации остальных, — опечаленно проговорила я.

— Эве до репутации особого дела нет. Она считает, что этот корабль уже утонул в тот момент, когда Кайра стала первой в истории ноблариной, поступившей на боевой факультет, да ещё и закончившей его с отличием. Про неё какие только слухи не ходили...

— Это да, — вынуждена была признать я.

Кайра наделала столько шума, что от остальных сестёр общество теперь подсознательно ждёт столь же эксцентричных или даже аморальных поступков, а если таковых не случается, то нам с наслаждением их приписывают.

— Но я всё равно поговорю с Эвой, — заверила брата я. — В конце концов, не всем плевать на репутацию. Мы с Лирой изо всех сил стараемся своими действиями и добротой опровергать те мерзости, которые говорят люди.

Хотела сказать, что командор Блайнер тоже очень жёстко затыкает рты особо разговорчивым подчинённым, но не стала беречь рану брата, лишняя раз упоминая фамилию зятя.

— А как дела у Лиды?

— Лида... — ещё тяжелее вздохнул Брен. — Лида три дня и три ночи караулила в столовой, чтобы поймать хитрую крысу, которая повадилась портить запасы съестного. Эта крыса

научилась обходить магические контуры, и Лида категорически запретила травить или убивать «такую умницу». Оказалось, что это полосатый бандикут. Она его всё же поймала. Понятия не имею, как он оказался в наших местах, но с наступлением холодов, видимо, смекнул, что в столовой сытнее и теплее, чем на улице. Теперь она его приручает, сиречь таскает по всему отделению, кормит с рук и запрещает ему грызть пациентов. Назвала Бандитом.

— А как же Наера? — удивилась я.

Вряд ли ручная змея Лиды в восторге от такого поворота.

— Наера пытается сожрать Бандита, а Бандит пытается избавиться от Наеры другими доступными способами. Так-то он поизобретательнее и понастырнее, один раз опрокинул на неё сотейник с кипящим зельем, но она успела отпрыгнуть. Ты когда-нибудь видела, как прыгают змеи? Очень эффектно, у нас лежащие больные повскакивали. Кроме того, Наера — тоже дама с характером, ещё и ядовитая... — Брен вздохнул ещё раз. — Как ты можешь догадаться, Эва принимает ставки на то, кто из них одержит победу. На этот раз — ложками.

— Чем? — поперхнулась я.

— Ложками. Антикварными. Она нашла какого-то коллекционера, согласного выкупить лот в тысячу ложек, договорилась с ним и теперь принимает от курсантов старые ложки, — пояснил Брен.

— Серебряные?

— Нет. Обыкновенные. Даже деревянные. Главное — старые.

— А командир что?

— Бесится молча. Спор на ложки уставом не запрещён.

Я несколько раз моргнула, а потом уточнила:

— Ты же шутишь?

— К сожалению, нет, — ответил брат, и мы ненадолго замолчали.

— Зачем Лиде вообще нужен этот бандикут?

— Он не выживет зимой в дикой природе, так как привык к более мягкому климату. Она его спасает от суровой зимы, хотя, если ты спросишь моё мнение, он — просто наглая хитрохвостая скотина. Последний раз при виде снега он начал изображать скоропостижную кончину и отказывался оживать, пока Лида не накормила его вареньем, хотя раньше скакал по сугробам, как миленький.

— Может, нам с Лирой забрать этого бандикута? — неуверенно предложила я. — Если он умный...

— Умный — это не то слово. Он прожжённый паскудник. Он у меня печенье украл. Из запертого на ключ ящика. Представь: я налил себе чая после сложнейшей операции, сел за стол, вытянул ноги, отпер ящик, а там — только крошки, присыпанные бандитскими экскрементами. Этот полосатозадый гадёныш прогрыз дырку в ящике с внутренней стороны, стащил печенье и монеты, которые нашёл, а из документов сделал себе лоток.

Я очень хотела сочувствовать брату, но почему-то стало смешно. К счастью, лицо всё же удалось удержать.

— А что Лида?

— Извинилась и сказала, что это больше не повторится.

— И как? Не повторилось?

— Пока нет... — протянул Брен, а потом повернулся ко мне и улыбнулся: — Печенье-то кончилось.

Я улыбнулась в ответ.

— Если хочешь, испеку тебе целую корзину.

— Вообще-то организаторы симпозиума обещали богатый стол, так что я намерен разжиться не только новыми знаниями, но и казённым жирком на боках.

— За три-то дня? — рассмеялась я.

— Мне придётся очень постараться, но Боллары не пасуют перед трудностями, — хмыкнул Брен, и мне стало немного спокойнее.

Быть может, не всё так плохо, если у него ещё остаются силы шутить?

Глава 9

Тридцатое октября. Поздний вечер Лунара Боллар

На место проведения симпозиума — в старинный, расположенный в предместьях Пелля отель — мы прибыли несколько часов спустя.

Всю дорогу болтали ни о чём, и Брен постепенно расслаблялся. Тому способствовали ясный лунный вечер, размеренное гудение мотора и то, что я всеми силами показывала, насколько он важен для меня. Я давно заметила, что стоит его обнять и сказать пару добрых слов, как под колючим панцирем ершистого циника можно нащупать того Брена, каким я помнила его в детстве — любознательного, открытого, обожающего мягко подтрунивать над сёстрами.

Выйдя из мобиля, Брен обошёл его и открыл дверцу для меня. Я с удовольствием приняла предложенную руку и сжала крепкую ладонь, лучисто улыбаясь.

Брат окинул взглядом переполненную парковку и ручейки стекающих к парадному крыльцу целителей.

— Держись рядом со мной, хорошо?

Перед нами во всей красе выросло монументальное здание сложной планировки в виде подковы, напоминающее замок из желтоватого морского песка. Ажурные балкончики, длинные портики, светлые стены и контрастирующие с ними необычные тёмные колонны. Его окружал парк, укрытый по зимней поре снежной вуалью.

Мы вошли в вестибюль и встали в очередь к стойке регистрации.

Нас окружали преимущественно мужчины, я заметила лишь двух пожилых дам, бурно радующихся встрече.

Позади нас встала группа парней лет двадцати пяти, и некоторые из них кидали на Брена колкие взгляды. Бывшие однокурсники?

В академии брата не любили: он был проклят, к тому же слишком беден и резок, чтобы снискать одобрение общества. Им с Линой тогда было столько, сколько нам с Лиорой сейчас — и я с трудом представляла, как они вообще справились с обрушившимся на семью горем.

Не знаю, что послужило первопричиной: Брена не приняли в коллективе или он сам ото всех отгородился и ни с кем не захотел заводить дружбу, однако со временем его начали задеть и травить намеренно. Проверяли на прочность.

Взгляды незнакомцев мне не понравились.

Когда подошла очередь, брат протянул учтивому полукровке за стойкой наши приглашения. Тот принял их и улыбнулся:

— Добро пожаловать, нобларды Боллар. Могу предложить вам двухместный номер для молодожёнов с видом на озеро...

Облокотившийся на стойку высокий блондин в небрежно накинутом на плечи белом халате громко хмыкнул.

От неловкости и неожиданности я застыла, удивлённо глядя на служащего. Разумеется, печати у нас на висках идентичны, как у супругов, но мы же похожи внешне...

— Мы брат и сестра, нам необходим двухкомнатный номер с отдельными постелями, — холодно поправил служащего Брен, и тот рассыпался в извинениях.

Компания за нашими спинами начала перешёптываться и вдруг разразилась гаденьким смехом.

— Надо брать номер для молодожёнов. Раз жены нет и не будет, может, хоть сестра «утешит», — раздалось с их стороны, и в первую секунду я не поняла подтекст, но потом...

Брат развернулся всем корпусом и уставился на говорившего, пылая яростью, а меня бросило в краску, и от негодования закружилась голова. На нас презрительно смотрел один из Потрбрáсов — представитель другой династии целителей, входящей в Синклит.

И чего он взъелся? Что плохого мы ему сделали?

В дорого обставленном холле фешенебельного отеля стало тесно и душно.

— Видимо, вы по себе судите, ноблард Потрбрас, — раздался хрипловатый голос блондина в халате. — Скажите, как часто вас «утешает» мамочка? Или, наоборот, это вы свою мамочку «утешаете», соревнуясь с отцом? Намедни читал прелюбопытнейшую работу как раз о том, как склонны к таким нездоровым отношениям неуверенные в себе мальчики. Если дадите адрес, пришлю вам копию.

Говоривший распрямился во весь немалый рост, расправил слишком широкие для целителя плечи и посмотрел на Потрбраса с той насмешкой, которая порой ранит больше слов.

— Да как вы смеете?! — тут же ощерился Потрбрас.

— Как я смею позволять себе инцестуальные шутки в адрес коллег? — вскинул бровь блондин, явно забавляясь реакцией оппонента. — Да так, совершенно внезапно захотелось блеснуть невоспитанностью.

Я молчала, понимая, что влезать в перебранку нескольких мужчин — непозволительно для нобларины, тем более находящейся в присутствии официального опекуна. Хотя сказать хотелось многое! Очень многое!

Брат тем временем реагировал как-то странно. Он тоже молчал, с прищуром глядя на Потрбраса, словно прикидывая, как его препарировать. Этот незнакомый, неожиданно уверенный и жестокий взгляд меня порядком испугал, я инстинктивно вцепилась в локоть Брена и практически повисла на нём якорем.

Брат процедил с металлическим холодом:

— Вам стоит извиниться перед моей сестрой, иначе я буду вынужден вызвать вас на дуэль.

Последнее слово полоснуло острым скальпелем, и лица у всех, кроме незнакомого заступника, стали серьёзными.

— Давайте повременим с дуэлями хотя бы до второго дня, — хмыкнул тот. — А извиниться всё же стоит. Но только в том случае, если вы, Потрбрас, — хорошо воспитанный ноблард, состоявшийся целитель, прибывший на встречу с уважаемыми коллегами. Однако если вы ещё не вышли из пубертата и не понимаете, что во взрослом профессиональном сообществе подобные шуточки неприемлемы, то тогда извиняться, конечно, не стоит.

И продолжил смотреть на компанию шутников так, словно нарочно подталкивал их продолжить конфликт, а не погасить его.

— Вы вообще кто и с чего решили вмешаться в чужие дела? — хмуро спросил один из дружков Потрбраса, такой же бледнокожий и светловолосый полуночник.

Блондина вопрос ни капли не задел, напротив, он развеселился окончательно:

— Вообще, я лардон Ячерсáльтенвильдерска́дт, а в частности — организатор и основной лектор данного симпозиума, так что это всё же моё дело, если на моём симпозиуме кто-то проявляет неуважение к коллегам и особенно к Болларам.

— Кому вообще какое дело до этих Болларов? — неприязненно буркнул Потрбрас.

— Ну... вам явно какое-то есть, раз вы не можете держать себя в руках. Да и мне дело есть, причём практически семейное, — расплылся в широченной улыбке блондин с непроницаемой фамилией. — Напомню, что именно благодаря открытию Гвендолины Боллар мы все здесь и собрались. Жаль, конечно, что она не смогла к нам присоединиться, чтобы получить дань уважения за свой вклад в науку. В общем, господа, у вас есть выбор: либо принести извинения, либо отправиться по домам и получить потом по почте методичку для работы. Не удивляйтесь только, если она будет содержать некоторые пометки.

Загнанный в угол Потрбрас наконец выдавил:

— Ноблард и нобларина Боллар, прошу прощения, если моя реплика была превратно истолкована.

— Так-то лучше, господин мамкин утешальщик, — радостно оскалился блондин, повернулся ко мне и подмигнул.

— Вы сами только что сказали, что в профессиональном сообществе подобные шуточки неприемлемы! — вспыхнул дружок Потрбраса.

— А я разве говорил, что вышел из пубертата? — картинно изумился блондин и добавил: — Кроме того, несмотря на все усилия моей distinguished семьи, я всё же сумел увернуться от получения хорошего воспитания, а привить мне аристократические манеры ни у кого так и не получилось. Не работают эти прививки на моём организме, у меня к ним стойкий иммунитет. Если желаете поупражняться в острословии, то в ближайшие три дня я к вашим услугам. Добро пожаловать на симпозиум!

Довольно коротко стриженный, чуть лохматый, обросший многодневной щетиной, он словно случайно оказался на слёте руководителей медицинских подразделений Блокады Разлома и совсем не походил на человека, который мог его организовать. Из нижнего кармана его белого халата торчала ветка, и я никак не могла перестать думать о том, как она туда вообще попала и зачем он её с собой носит.

— Кстати, номер для молодожёнов с вашего позволения займу я, — он нахально взял ключи из рук алого от стыда полукровки за стойкой, взиравшего на происходящее едва ли не с ужасом, а затем удалился пружинящей походкой, оставив нас всех в неловком молчании.

Полностью игнорируя присутствие Потрбраса и его дружков, мы с Бреном получили двухкомнатный номер, отнесли туда вещи и замерли в окружении классической роскоши.

Старинный отель был обставлен с большим вкусом и оформлен в сливочно-жёлтых, коричневых и тёмно-синих тонах. Овальные столики на изогнутых ножках и округлые бока комодов отливали насыщенным багрянцем благородного дерева, полы устилали шерстяные ковры с длинным ворсом, а нежный оттенок стен навевал мысли о кремовой помадке. В комнатах было уютно и хотелось остаться надолго. Надо же, какие специалисты над ними потрудились, чтобы создать такую атмосферу!

Император явно раскошелился и хотел показать работающим у Разлома целителям, насколько ценен их вклад. А может, просто решил сделать широкий жест в честь предстоящей свадьбы своей единственной дочери, принцессы Валерианеллы.

На чайном столике лежали две кожаные папки: светлая с программой симпозиума и тёмно-синяя, немного потрёпанная — с описанием целебных грязей и минеральных источников, на которых и стоял отель. Если верить рекламе, то, проведя в сливочно-пшеничных стенах пару месяцев, можно было исцелиться от всех болезней и помолодеть лет на двадцать. Спасибо, мне пока столько не исполнилось.

Я отложила папки в сторону и вопросительно посмотрела на Брена:

— Это был твой однокурсник?

— Да. Там долгая история. Мы не ладим.

— Знаешь, для этого, конечно, понадобилась невероятная проницательность, но я уже догадалась, — мягко улыбнулась брату, и он чуть расслабился.

— Тебя оскорбили их слова?

— Скорее шокировали, — призналась я, а потом немного подсластила горькое зелье брата: — Но если уж быть честной, то я бы хотела такого мужа, как ты, — талантливого хирурга, сильного мага, целеустремлённого и стойкого мужчину. Ты знаешь, я одного не могу понять: ладно, с тобой они знакомы и не ладят, но шутка-то была нацелена и на меня тоже, а я никогда не делала им зла. Не понимаю, за что они так с нами? И это нобларды, цвет аристократии! А воспитания — как у портовых грузчиков.

— Всё просто. В Синклит входят представители тридцати шести родов, голос императора — тридцать седьмой. Предполагается, что в Синклит должны входить самые влиятельные и могущественные семьи Лоарельской Империи. Самые густые сливки общества полуночников. Я — последний из Болларов, наша семья давно утратила былое влияние, мы в долгах. Многие члены Синклита считают, что я не заслуживаю места среди ноблардов, и некоторых раздражает, что я передал свой голос Корвигелю, придав их роду дополнительный вес. У большинства других семейств, входящих в Синклит, есть свои союзники и ставленники среди лардонов. Ты знаешь, что многие лардоны с удовольствием получили бы более высокий титул. А я им мешаю. Это одна из причин. Подобным отношением меня наказывают за упрямство и неуживчивость. Но есть и другая причина.

— Какая?

— В конфликте Болларов и Блайнеров богиня приняла сторону Моэры. Моэра прокляла наш род ценой своей жизни и должна была умереть во время жертвенного ритуала. Но Таната её пощадила, сохранила ей жизнь и закрепила проклятие, сделав его неснимаемым. Многие рассуждают так: раз сама богиня одобрила такую месть, то эта месть справедлива. В обществе считают нас заслуженно проклятыми. Многие думают, что наш отец был наказан за измену Моэре, она ведь формально была его невестой. Ты сама знаешь, как сурово боги карают за измену.

— Но ведь измена — это нарушение брачной клятвы, а отец и Моэра никогда не были женаты! А сами мы тогда ещё даже не родились...

— А это никого не волнует, — с горечью проговорил брат. — Никого не волнует, что думаем и чувствуем мы. Все просто ждут, когда проклятие нас доконает и очистится место в Синклите. Именно поэтому я не могу от него отказаться. Я просто не могу, Уна, — тихо признался брат. — Отказ будет означать, что они победили. Но ведь я ещё не сдался!

Я кивнула, принимая его слова, и решила сменить тему:

— А кто тот полуночник, что организует симпозиум?

— Ячер, — коротко ответил Брен. — Его все так называют, сокращённо от фамилии. Когда я учился в академии, он был своеобразной легендой. Получил самое большое количество выговоров, нарушил все возможные правила, дважды даже был отчислен, но оба раза восстановился. Преподаватели его либо обожали, либо терпеть не могли. Он частенько устраивал розыгрыши, порой забавные, порой — сомнительные. Варил экспериментальные запрещённые зелья и приторговывал ими, — рассказал Брен, садясь в кресло и наливая себе воды из высокого графина. — Мы никогда особо не пересекались, однако я знаю, что он дружит с Блайнерами.

— Тем не менее, он занял нашу сторону, — осторожно заметила я.

— Это меня удивило, — признал брат. — Возможно, он просто не любит Потрбрасов.

Осмотрев номер, мы нашли закуски, убранные в изящный деревянный ящик наподобие хлебницы. Брен оказался голоден и съел почти все, пока я поправляла причёску и готовилась к выходу.

Открытие симпозиума впечатляло хотя бы потому, что я впервые оказалась на подобном мероприятии и мне всё было интересно: и сервированные блюдами с канapé высокие столы, и играющий незнакомую музыку квартет, и лёгкое игристое вино в высоких бокалах, и разговоры одетых в офицерскую форму или медицинские халаты людей, и выдающуюся эпернь из разноцветного стекла каких-то совершенно невероятных размеров, и особенно — сыплющие искрами небольшие фейерверки, вспыхнувшие в полночь.

Начало мероприятия постарались сделать максимально торжественным, чтобы подчеркнуть важность вопроса, по которому собрали ведущих целителей из всех военных госпиталей при Разломе. Судя по акцентам, здесь присутствовали даже эстренцы и аламанды, что лишь подчёркивало общечеловеческое значение новой методики.

Император, кажется, изо всех сил старался подчеркнуть: открытие сделали лоарельцы, но готовы делиться знаниями даже с враждебно настроенными соседями.

За кафедрой появился тот самый Ячер, из кармана которого торчала всё та же ветка, оглядел десятки собравшихся целителей и сказал:

— Ну что же, господа. Для начала представлюсь тем, с кем ещё не успел свести знакомство. Меня зовут Хейлър Ячерсáльтенвильдерскáдт, по личному поручению императора Пеннара Первого я организовал данный симпозиум. Рад всех вас видеть здесь и особенно рад представить вам новую технологию лечения ран, наносимых кантрадами, и буквально в прошлом году считавшихся смертельными. К сожалению, мы пока не сделали прорыва и не нашли противоядия непосредственно от яда кантрадов, однако довольно далеко продвинулись в изучении механизма попадания этого яда в ткани и его влияния на организм. В общем, там, где ранее больному требовалась лишь консультация плотника или — в случае аристократа — камнетёса, сегодня мы способны дать неплохие шансы на выживание. Надеюсь, господа гробовщики простят меня за столь вопиющее падение доходов! — с этими словами он поднял свой фужер в воздух.

По залу прокатилась волна смеха, и даже Брен улыбнулся, а я стояла и думала только об одном: хорошо, что пациенты не слышат речи этого светила медицины.

Глава 10

Тридцать второе октября. Глубокая ночь Лиора Боллар

В медблоке всю ночь было людно.

Периодически заглядывали Зоур с Леввеком — вроде бы под предлогом того, чтобы проверить и отнести в ванную комнату друга, а на самом деле — с целью гастрономического вымогательства.

Когда-то Элидара приручила дикого блейза — и он смотрел на неё ровно такими же глазами вечно голодающего, несчастного, обездоленного зверя. Бока при этом наел настолько круглые, что в дикой природе его свои бы и съели, просто не распознав в нём сородича.

Однако навязчивое присутствие курсантов в приёмной принесло свои неожиданные, но от того не менее сладкие плоды: жрец теперь меньше донимал меня и с удовольствием переключился на норта, которому никак не мог простить веру в северную богиню удачи Эурваду. Он признавал лишь двух лунных, сияющих на небосводе, — Танату и Гесту. Последней он служил всю жизнь, отказавшись от мирского — от возможности завести семью, владеть собственностью и даже участвовать в политической жизни страны.

Служению Гесте и всем ее детям жрецы посвящали себя целиком, без остатка. Они заключали брачные обряды, воскрешали, нередко снимали проклятия, а также наставляли тех, кто обращался к ним за советом. Впрочем, тех, кто не обращался, иной раз наставляли даже активнее.

— Вы, северяне, только и умеете, что смуту в стране наводить! Все нормальные маги служат у Разлома, а вам лишь бы революции устраивать, — ворчал Валентайн.

— А я что, по-вашему, не норт? — до глубины души возмутился Леввек. — Или не служу у Разлома? Чем я тогда тут занимаюсь?

— Припасы жрешь! — тут же ехидно отозвался жрец. — Лирочка, бедненькая, уже с ног сбилась на вас, оболтусов готовить.

Я аж вытаращилась от неожиданности. Дервин понимающе улыбнулся, наблюдая за моей реакцией. Я как раз делала ему перевязку. Швы подсохли и зарубцевались, нога выглядела вполне сносно, я бы даже сказала, хорошо, и насыщенный жёлто-фиолетовый цвет её не портил.

Вообще-то, неплохое сочетание — горчичный с пурпуром. Эх, прикупить бы такой жакет. А к нему — блузку лиловую и юбку красную, атласную. Чтоб смотрелось нарядно и празднично!

Сёстры мою любовь к ярким цветам не разделяли, а мне всегда казалось, что нет лучше средства разбавить серые будни, чем надеть ослепительно-бирюзовое платье с оранжевой оторочкой, а сверху — салатный пиджачок. Лунара говорила, что такие кричащие цвета идут лишь смуглым кареглазым полуденницам, а светловолосым, белокожим полуночницам они не подходят. Ерунда какая! Мне всё прекрасно подходит, только сёстры не дают мне это носить!

К сожалению, нудный устав был на их стороне. Небось, его такая же Уна и сочиняла. На службе полагалось носить тёмно-синюю офицерскую форму (спасибо, что не серую!) со светлой блузкой, а поверх — халат или медицинский фартук. И даже яркие ленточки в волосы заплетать не разрешалось. Мол, нечего в части балаган устраивать. Однако я всё равно заплетала — пусть не весёленькие жёлтые или зелёные, но хотя бы голубые.

Задумавшись о ленточках, вдруг вспомнила, что уже вторую ночь подряд не переплетала косы. Да я, наверное, на чучело уже похожа!

Желание срочно посмотреться в зеркало стало настолько невыносимым, что я принялась переступать с ноги на ногу. Меня так и подкидывало на месте от жажды поскорее схватиться за расчёску.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Дервин.

— Ничего, — ответила я, усилием воли возвращая себя к делу.

Сняла магией отёк и проверила, насколько хорошо прижились лоскуты кожи с бёдер. Нет ли отторжения? Так-то вроде бы всё нормально, однако теперь стало заметно, что голени у Дервина куда более волосатые, чем бёдра, и это создавало эффект несколько... перелысённой местности. Я бы даже назвала это волосатой полосатостью...

Хорошо, что на лицо он красавчик. Уж если дело дойдёт до раздевания, вряд ли какая-то барышня выгонит его из постели за неравномерное оволосение. Кстати, вроде бы существует заклинание, стимулирующее активность волосяных фолликул. Лида должна знать, она своему блейзу шкуру подлечивала, когда он к старости стал плешиветь. Тут главное — применять магию точечно и не промахиваться, иначе Дервиновы ножные грядки станут ещё гуще, а тропинки между ними — ещё заметнее.

— Всё же что-то случилось, — встревоженно констатировал он. — Ты так хмуришься...

— Это я так думаю, — беззаботно ответила ему, осторожно усиливая кровообращение.

— И о чём ты думаешь? — вкрадчиво спросил Дервин.

Если бы он только знал! Какое счастье, что даром чтения мыслей никто не владеет, меня бы мигом из нобларин разжаловали, если б узнали, о чём я порой думаю.

На вопрос всё же пришлось ответить:

— Об эстетической и восстановительной медицине.

— Что, настолько уродливо получилось? — превратно истолковал он.

— Нет, напротив. Шрамы поначалу будут ярко-розовые и выпуклые, затем побледнеют и истончатся. Очень неплохо получилось, учитывая исходные данные. Знаешь что? Ты пока лежи вот так, чтобы швы подсохли. А я сейчас вернусь!

Я всё-таки не выдержала и отлучилась в ванную. Волосы и правда ужасно растрепались и сбились в косичные колтуны, с трудом поддающиеся расплетанию и расчёсыванию.

Закончив, осмотрела себя в зеркале и заметила пятнышко на фартуке. Где это я умудрилась обляпаться?

Застирала, повесила сушиться, проговаривая про себя последовательность действий, чтобы ничего не забыть и не отвлечься. Трижды проверила, что выключила воду, и наконец вернулась в медкабинет. Разговор в приёмной тем временем гудел, набирая обороты, как двигатель маголёта на старте.

— А я говорю: не подходит этот ваш никчёмный норт нашей принцессе! — воинственно распушил короткую бородку жрец.

— Да с чего бы он никчёмный, если он в другой мир не побоялся за ней отправиться?! — громогласно возмущался Леввек, всей душой болеющий за земляка.

— Ай, небось случайно! — жрец вяло махнул сухой, покрытой пигментными пятнами ладонью, но на оппонента смотрел с живостью и таким страстным желанием переспорить, которое не в каждом юноше найдётся.

— Майором Службы Имперской Безопасности в двадцать восемь лет он тоже случайно стал?! — аж подпрыгнул от негодования северянин, и табуретка под ним жалобно скрипнула.

Всё же слово «субтильность» явно не норты придумали, скольких я видела — все такие же здоровенные, румяные, светлые и кучерявые, как Леввек.

Однажды мы принимали роды у одной женщины, вышедшей замуж за северянина. Так вот, я когда размер её новорождённого увидела, сразу решила: даже если с меня проклятие спадёт, ни за какого норта я никогда в жизни не пойду.

А принцесса наша то ли родов не принимала, то ли просто очень храбрая женщина — собралась за норта, несмотря ни на что. И в журнале, отвоёванном у командования, как раз было интервью с бывшей любовницей того самого норта! А эти тут расселись и сидят, голосят. Нет бы ушли, дали скромной нобларине спокойно окунуться в бесцензурный публицистский разврат!

Скоро уже Уна вернётся, а я так ни странички и не прочитала!

— Этот ваш норт ещё и бабник! — продолжал раскачивать маятник спора жрец. — Небось, изменять будет! Тут-то его богинюшка наша и покарает! Отсушит его стручок нортский, и поделом ему!

— Да ваши бабы на нортов сами вешаются и прохода не дают! — горячо воскликнул Леввек и вскинул взгляд на меня.

Возможно, в представлении норта я должна была начать на него вешаться, чтобы подтвердить его правоту, однако я лишь посмотрела скептически:

— Да что вы говорите? Пока прохода только вы не даёте. Расселись посреди комнаты, не пройти!

— Мы дежури́м, — сыто крикнул курсант Зоур. — Нам командор разрешил за Дервином приглядывать.

— Да вы к нему даже не подходите!

— А чего к нему подходить, если его и из кухни видно? — недоумённо спросил Зоур.

— Здесь вам не кухня! — возмутилась я. — Здесь медкабинет! А вы расселись и сидите!

— Это потому, что у тебя, Лирка, хватки нету, — тут же переключился на меня жрец. — Вот Уна бы их давно спровадила одним взглядом. Она так смотреть умеет, что аж шнурки на ботинках сами в бантики завязываются... А ты девка не то чтоб совсем уж пропащая, но бестолковая.

— Очень даже толковая! — тут же возразил ему Леввек, но у меня закрались подозрения, что дело было вовсе не в моей толковости, а в том, что согласиться со жрецом он теперь не мог ни за какие блага мира.

А ведь мне эту ораву неблагодарную ещё и кормить!..

Жаль, что духового шкафа не было, только плитка с двумя конфорками. Так бы пирог испекла. Ягодный. Сладенький.

Сладенького захотелось очень, и как всегда в такие острые моменты крайней нужды мозг заработал чётко. Внезапно подумалось: а почему бы не испечь пирог в кастрюле? Так, конечно, не делают, и результат может получиться не очень удачный, но я оценивающе посмотрела на Леввека с Зоуром и решила, что курсанты и не такое съедят.

Сразу настроение поднялось, стало как-то радостнее на душе. Я даже немного понадеялась, что кастрюльный пирог не удастся — просто ради того, чтобы посмотреть, как эти двое им давятся.

Под бесконечные споры о том, хороши ли норты для принцесс вообще и конкретный СИБовский норт для принцессы Лоарельской в частности, я замесила тесто на меду, сделав его чуть пожиже, чем обычно, и щедро сыпанула мелко нарезанной сушёной багряники. Столь же щедро смазала кастрюльку сливочным маслом, а потом для верности в серединку приткнула стакан. Чтобы пропеклось!

Залила всю эту чудную конструкцию тестом, накрыла крышкой, поставила на слабый огонь на плиту и даже полюбовалась. Уна наверняка не разрешила бы делать кастрюльный пирог. Почему? Потому что так не принято! Не принято — и точка. Кто, когда и что именно принимал — дело десятое. Главное, что не принято — и всё тут.

А мне было любопытно: вдруг я открыла новаторский, уникальный способ готовки пирогов в кастрюлях?!

В идеале, поставить бы эту экспериментальную конструкцию на паровую баню, но где взять настолько большую посудину?

Пока кулинарные лавры меня ещё не настигли, принялась за второе. Пожалуй, сделаю биточки из мелко рубленного фарша. Жрец такое любит, а Зоура и Леввека никто не спрашивал.

Вообще готовить я всегда любила — примерно как люди без слуха и голоса любят петь — обычно с душой, с чувством, а не ради результата и уж тем более не при посторонних.

Закончив делать фарш, замерла, придумывая соус. Захотелось чего-то кисленького. Может, кикаду взять? Не только же морс из неё варить...

Готовка увлекла меня полностью, и я даже не заметила, как Зоур и Леввек ушли.

Обратила внимание на их отсутствие, только когда начала накрывать на стол.

— А где курсанты? — удивилась я.

— Так я их выгнал полчаса назад, — хмыкнул жрец. — За святотатство! Неужто не слышала? Ну ты даёшь, Лирка! Мы ж вот тут сидели орались! — он даже сухой ладошкой указал на то самое знаменательное место, словно от его вида меня должно было настигнуть озарение.

— Отвлеклась, — признала я, накладывая порцию для пациента.

И только держа тарелку в руках, я вспомнила, что забыла закончить перевязку, и Дервин так и остался лежать с разбинтованной ногой.

Вот же кантрадова память!

Ладно...

Как говорит Уна: «Истинная нобларина даже если и проигрывает, всегда принимает поражение с таким видом, будто так и было задумано».

Именно такой вид я и попыталась изобразить.

Вплыла в палату павой, будто всё у меня под контролем.

Дервин тут же спросил, подтрунивая:

— Забыла про меня, да?

— Я дала швам время подсохнуть. Сейчас нанесу мазь, забинтую, накормлю тебя и усыплю на весь день, чтобы ты выздоравливал. Потому что уже почти рассвет, а днём нужно спать, — ответила я, подражая тоном Уне и ставя тарелку с биточками на прикроватную тумбочку.

— Как скажешь, — отозвался он, но по глазам было видно, что ни капли мне не поверил.

Он вообще наблюдал за мной безостановочно и теперь вёл себя так, будто изучил меня от и до. За две-то ночи!

Дервин приподнялся на локтях, одеяло немного сползло, и я невольно (совершенно невольно!) зацепилась взглядом за то, как напряглись его плечи и грудные мышцы. Появилось странное желание стянуть с него одеяло и разглядеть хорошенько — разумеется, из чисто профессиональной любознательности.

Обнажённого мужчину я видела лишь однажды, мельком, а комплекцией и возрастом тот был примерно как наш жрец — такой же сухонький, старенький и совершенно не интересный. По крайней мере, анатомическое строение мужского мышечного каркаса по нему изучать было бы крайне сложно.

Я глубоко вздохнула и усилием воли изгнала столь неэтичные по отношению к пациенту мысли из головы, а потом занялась ногой Дервина — один шов влажно блестел, и я накрыла его заклинанием, зато другие уже отлично зажили. Пожалуй, можно их даже снять. За день как раз подживёт, а завтра пациенту можно будет потихоньку вставать и расхаживаться.

Стоило мне коснуться одного из швов пинцетом, как Дервин вздрогнул, и под тонкой кожей плеч проступил чёткий рисунок напряжённых мускулов.

— Больно? — удивилась я.

— Чешется. Очень сильно.

— Это нормально. Отрастают новые нервные окончания и посылают странные сигналы. То болью прострелит, то зуд начнётся, то покалывание, то жжение. Это на самом деле хорошо. Значит, чувствительность постепенно возвращается. Вообще, нервы восстанавливаются гораздо дольше, чем мышцы, к примеру. Поэтому на протяжении как минимум месяца нога будет беспокоить. Главное — сам не чеши.

Я сняла некоторые швы, а потом принялась специальной кисточкой наносить на поджившие раны мазь. Дервин напрягся ещё сильнее и задышал чаще, а я честно старалась смотреть только на его прооперированную ногу, но обычно довольно слабое боковое зрение предательски прекрасно работало в этот раз, и в какой-то момент меня бросило в жар, ведь ему явно доставляло огромное удовольствие то, что я делала.

А ведь я всего лишь наносила лекарство...

Заканчивала и бинтовала в молчании, наэлектризованном странной нервозностью. И вроде бы я ничего плохого не сделала, но было неловко, немного душно и в то же время как-то любопытно.

— Теперь давай ладони, — запинаясь, велела я, убирая жидковатую мазь и доставая другую, более густую и пахучую.

Дервин протянул ладони, я сняла старые бинты и осмотрела ожоги. Под омертвевшей кожей уже образовалась новая, розовая, пока ещё невероятно нежная. Я принялась смазывать ладони и пальцы, а он при этом смотрел на меня так, будто впервые увидел луну.

— Неприятно? — на всякий случай спросила его.

— Напротив. Очень приятно, — хрипло проговорил он.

Очень осторожными, массирующими движениями втирала мазь в крупные мужские ладони, и чувствовала, будто веду себя неприлично, хотя с точки зрения логики мужские обожжённые ладони ничем не отличаются от женских или старческих, и лечение им положено такое же.

Однако воздух словно сгустился, разогрелся, и с трудом проникал в лёгкие. Приходилось прикладывать усилие, чтобы вдохнуть, и ещё большее усилие — чтобы сосредоточиться на обязанностях целительницы, а не смотреть в серо-синие, завораживающие глаза Дервина. Его взгляд цеплял моё внимание, перетягивая его на себя и ловя в странный захват.

Из приёмной раздалось громкое сопение. Видимо, наевшись, жрец решил прикорнуть на кушетке.

Перебинтовав кисти Дервина, я сказала:

— Подожди минутку. Сейчас помою руки, дам тебе тарелку и поправлю подушку, чтобы было удобнее сидеть.

Убедившись, что жрец спит, я тихонько прокралась в ванную, вымыла руки и плеснула прохладной водой в лицо.

Да что со мной такое?

Он же просто пациент. Не первый же! Да, симпатичный, но я-то проклята, причём проклята его же матерью. Между нами ничего не может быть. Совсем. Никогда. Даже если вдруг проклятие каким-то чудом снимется, ни моя, ни семья Дервина не позволят нам и думать о друг друге. А я не Кайра, чтобы идти против воли Брена и Уны, которая во всём его поддерживает.

Именно с такими мыслями я вышла в приёмную и вдруг вспомнила про кастрюльный пирог. На удивление он даже не подгорел. Вывалила его на плоскую тарелку и нарезала на куски. Положила себе порцию биточков, немного гарнира, и отнесла всё это в палату, закрыв за собой дверь, чтобы разговорами не разбудить жреца. И вовсе не из-за уважения к старческому сну, а скорее из нежелания слышать его обидные комментарии, которыми он уже порядком меня достал за две ночи.

Но ничего, осталось потерпеть всего одну ночь.

Адель с Кеммером вернулись на семейный съезд Блайнеров. Командор отдал все необходимые распоряжения: маголёт разобрали и отправили в тех. лабораторию на завод-изготовитель, расследование продолжились без его присутствия. Ничего особенного больше не происходило, поэтому зять решил не злить родственников. Тем более что они собрались ради знакомства с Аделью и Кайрой, однако первая в итоге приехала лишь на один вечер, а вторая не приехала вовсе, сославшись на какое-то жутко важное расследование. Не очень красиво получилось, и Аделина теперь переживала ещё и из-за этого.

Я помогла Дервину принять удобное положение, поставила стул рядом с его постелью и села наблюдать, как он ест. Перебинтованными пальцами не очень удобно было держать столовые приборы, однако он старался.

— Очень вкусно. Удивительно, что ты настолько хорошо умеешь готовить. Ни разу не встречал нобларину... — начал он и осёкся.

— Да, денег на прислугу у нас не было, поэтому мы всё умеем делать сами, — спокойно ответила я. — Готовить я люблю, но только если можно экспериментировать. Соблюдать старые рецепты мне скучно, поэтому иногда такая ерунда получается...

Дервин улыбнулся.

— А театр любишь? Все говорят о последней пьесе «Брак без права на помилование», я бы мог билеты купить...

— Дервин, извини, но это просто невозможно. Я не пойду с тобой в театр, — отказала я.

— Так я не имел в виду со мной, — тут же нашёлся он. — Я бы мог купить билеты для вас с сёстрами, в подарок. В качестве признательности за всё, что ты сделала.

Я немного растерялась. Можно ли согласиться? С одной стороны — это не что-то материальное вроде украшений, с другой — нобларине не пристало принимать подарки от незнакомых мужчин. С третьей — пациенты нередко дарят целителям нечто памятное в качестве признательности, и никто обычно не отказывается.

— Я подумаю, — уклончиво ответила ему, решив посоветоваться с Аделью. — Ты уже закончил с рассветником?

— Да. Благодарю. Очень вкусно, — отозвался Дервин, передавая мне пустую тарелку.

— Кастрюльный пирог будешь? — спросила я.

— Какой? — ошарашенно переспросил он.

— Кастрюльный. Я его в кастрюле испекла.

В общем, Дервин заинтересовался, а потом даже хвалил. Дракон его знает — из вежливости или от всей души.

Когда он доел, я посмотрела за окно, где уже серело небо. Жрец похрапывал в приёмной так, что было слышно даже сквозь закрытую дверь.

Сложив тарелки стопочкой на ближайшей тумбочке, я с предвкушением подумала: вот сейчас как усыплю его и наконец почитаю всласть!

Дервин, словно почувствовав мой настрой, спросил:

— Ты же сейчас журнал читать будешь? Мне тоже интересно. Давай читать вместе? Я буду держать, а ты — листать. Скучно же целыми днями лежать на больничной койке. Ну и потом, Трезан со мной иногда делится дворцовыми сплетнями, может быть, я тебе тоже что-нибудь интересное расскажу? К примеру, в прошлом выпуске «Ночного бессонника» одну историю переврали самым нещадным образом...

И посмотрел на меня чистыми, искренними глазами человека, готового делиться даже самыми скандальными историями.

Я замерла, колеблясь.

— А если нас застукают, то мы скажем, что это я читал журнал, а ты его отбирала... — вкрадчиво добавил он, и моё сердечко дрогнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.